7universum.com

UNIVERSUM: ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал
Издается ежемесячно с ноября 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universum: экономика и юриспруденция

Выпуск: 1(135)

Январь 2026

Часть 2

Москва
2026

УДК 33/34
ББК 65+67
U55

Главный редактор:
Гайфуллина Марина Михайловна, канд. экон. наук, доцент;

Члены редакционной коллегии:
Андреева Любовь Александровна, - канд. юрид. наук;
Бреслав Елена Петровна - канд. экон. наук;
Дорошко Виталий Николаевич - канд. экон. наук;
Дядюн Кристина Владимировна - канд. юрид. наук;
Иконникова Альбина Викторовна - канд. экон. наук;
Исраилова Зарина Садриддиновна - д-р философии в области права (PhD);
Огнева Елена Александровна - канд. юридических наук;
Попова Ирина Викторовна - д-р соц-х наук (по двум специальностям);
Сальникова Кристина Владимировна - канд. экон. наук.

U55 Universum: экономика и юриспруденция: научный журнал. – № 1(135). Часть 2., М., Изд. «МЦНО», 2026. – 40 с. – Электрон. Версия печ. Публ. – http://7universum.com/ru/economy/archive/category/1135

ISSN : 2311-4282

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 65+67

© ООО «МЦНО», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке **4**

Юридические науки **4**

Уголовный процесс **4**

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 4
Иванова Любовь Александровна

РОЛЬ СУДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА 8
Нгуен Чонг Хынг

Финансовое право, налоговое право, бюджетное право **11**

ЭВОЛЮЦИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 11
Мамедова Нармин Габил кызы
Головачева Лариса Николаевна

Papers in English **15**

Economic sciences **15**

Global economy **15**

IMPACT OF MODERN TECHNOLOGIES ON THE OPERATIONAL EFFICIENCY AND EMOTIONAL PERCEPTION OF EVENTS 15
Shmeleva Iuliia

Economy and management of a national economy **21**

UZBEKISTAN'S NATIONAL FOOD SECURITY STRATEGY: INSTITUTIONAL REFORMS, FAO ALIGNMENT, MONITORING EFFECTIVENESS, AND GLOBAL TRENDS 21
Majidov Bakhodir Shokirovich

Legal sciences **26**

Civil law; the enterprise right; a family law; the international private law **26**

DISTRIBUTION OF COPYRIGHT ON AI-GENERATED CONTENT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIA AND THE EU APPROACHES 26
Shakhnina Arina

Criminal law and criminology; criminal-executive law **29**

LEGAL FRAMEWORKS AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN COMBATING DRUG-RELATED CRIME: A COMPARATIVE ANALYSIS OF VIETNAM AND CHINA 29
Nguyen Huynh Bao Khanh
Tran Thanh Thao

Criminal proceedings **36**

IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK AND MECHANISMS FOR ENSURING VICTIMS' HUMAN RIGHTS AT THE INVESTIGATION STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN VIETNAM 36
Nguyen Duc Son

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванова Любовь Александровна
магистр уголовного,
гражданского и административного
судопроизводства,
Университет Синергия,
РФ, г. Благовещенск
E-mail: lyuba.kurkova.94@mail.ru

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF JUVENILE CRIMES AND PROBLEMS OF JUVENILE JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanova Lyubov
Master
of Criminal, Civil,
and Administrative Proceedings,
University Synergy,
Russia, Blagoveshchensk

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится комплексный анализ специализированных процедур уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Автор исследует философско-правовые основы ювенальной юстиции, выделяя ее восстановительный и реабилитационный характер в противовес карательной парадигме общего судопроизводства. Подробно рассматриваются такие институты, как предварительное расследование с участием педагога или психолога, ограничение публичности судебного разбирательства, расширенный предмет доказывания, а также применение принудительных мер воспитательного воздействия. Особое внимание уделяется системным проблемам, препятствующим эффективной реализации ювенальных принципов на практике: кадровому дефициту, формализму в применении воспитательных мер, межведомственной разобщенности и отсутствию единой государственной стратегии. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные меры по совершенствованию системы, включая создание специализированных ювенальных судов, внедрение восстановительных технологий и развитие системы социально-психологического сопровождения.

ABSTRACT

This article provides a comprehensive analysis of specialized criminal proceedings for minors, as enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author explores the philosophical and legal foundations of juvenile justice, emphasizing its restorative and rehabilitative nature as opposed to the punitive paradigm of general legal proceedings. Such institutions as preliminary investigations with the participation of a teacher or psychologist, restrictions on the publicity of court proceedings, an expanded scope of evidence, and the use of compulsory educational measures are examined in detail. Particular attention is paid to systemic problems that hinder the effective implementation of juvenile principles in practice: staffing shortages, formalism in the application of educational measures, interdepartmental

Библиографическое описание: Иванова Л.А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21480*

disunity, and the lack of a unified state strategy. Based on the analysis, specific measures are proposed to improve the system, including the creation of specialized juvenile courts, the introduction of restorative technologies, and the development of a system of social and psychological support.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, уголовное судопроизводство, несовершеннолетние правонарушители, принудительные мер воспитательного воздействия, восстановительное правосудие, защита прав ребенка, уголовно-процессуальные гарантии

Keywords: juvenile justice, criminal proceedings, juvenile offenders, compulsory educational measures, restorative justice, protection of children's rights, criminal procedural guarantees

Введение

Проблема преступности несовершеннолетних остается одной из наиболее острых и социально значимых в современном обществе. Ответ государства на противоправные действия лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, не может ограничиваться рамками традиционного карательного правосудия. Обусловлено это спецификой подросткового возраста, характеризующегося психофизиологической незрелостью, неустойчивостью психики, подверженностью влиянию извне и, что наиболее важно, повышенными возможностями для ресоциализации и исправления.

Совокупность правовых механизмов, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних, вовлеченных в орбиту правосудия, принято обозначать термином «ювенальная юстиция». Это не просто набор процессуальных норм, а целостная философско-правовая концепция, базирующаяся на приоритете воспитательного и профилактического воздействия над наказанием. В Российской Федерации, несмотря на отсутствие отдельного кодифицированного акта о ювенальной юстиции, ее основные принципы имплементированы в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, образуя специализированный институт, регламентирующий производство по делам несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ) [1].

Целью данной статьи является всестороннее исследование особенностей уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних и выявление ключевых проблем, сдерживающих развитие полноценной системы ювенальной юстиции в России. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Раскрыть содержание специальных уголовно-процессуальных гарантий для несовершеннолетних.
2. Проанализировать отличия ювенального судопроизводства от общего порядка.
3. Идентифицировать системные дисфункции и пробелы в правоприменительной практике.
4. Сформулировать предложения по оптимизации существующей модели.

1. Философско-правовые основы и международные стандарты ювенальной юстиции

Фундамент современной ювенальной юстиции заложен в ряде ключевых международных документов, среди которых основополагающую роль играют Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила» 1985 г.) [3]. Данные правила указывают, что любые меры воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя должны быть пропорциональны не только обстоятельствам преступления, но и его личности, условиям жизни [5].

Важнейшим принципом, закрепленным в «Пекинских правилах», является принцип «наилучшего обеспечения интересов ребенка». Это означает, что при принятии любого процессуального решения суд и правоохранительные органы должны руководствоваться прежде всего необходимостью обеспечения благополучия, реинтеграции и будущего развития подростка. Из этого вытекает требование к индивидуализации производства, обязательному изучению условий жизни и воспитания, уровня психического развития и иных влияющих на поведение факторов.

Другим краеугольным камнем является принцип соразмерности вмешательства. Согласно ему, ограничение прав и свобод несовершеннолетнего должно быть минимально необходимым для достижения целей правосудия. Это напрямую коррелирует с требованием избирательного подхода к применению мер пресечения, в особенности заключения под стражу, которое должно использоваться лишь в качестве крайней меры.

Российская Федерация, являясь участником основных международных конвенций в области прав ребенка [4], взяла на себя обязательства по приведению национального законодательства в соответствие с этими стандартами. Именно этим обусловлено наличие в УПК РФ отдельной главы, детализирующей производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

2. Специфика уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних по УПК РФ

Особенности производства по делам несовершеннолетних пронизывают все стадии уголовного процесса, создавая дополнительный гарантийный фильтр для защиты прав подростка.

2.1. Предварительное расследование

Уже на стадии предварительного расследования законодатель устанавливает ряд императивных требований. Одним из них является обязательное участие защитника с момента первого допроса, а также законного представителя (родителя, опекуна, представителя органа опеки). Их присутствие призвано компенсировать процессуальную незрелость несовершеннолетнего, помочь ему осознать свои права и юридические последствия действий [7].

Критически важным институтом является участие педагога или психолога при проведении следственных действий. Специалист данного профиля помогает следователю сформулировать вопросы в доступной для подростка форме, устанавливает психологический контакт, а также фиксирует особенности поведения и эмоционального состояния допрашиваемого, что в дальнейшем может иметь существенное доказательственное значение.

Особого внимания заслуживает расширенный предмет доказывания (ст. 421 УПК РФ) [1]. Помимо обстоятельств, подлежащих установлению по любому уголовному делу, по делам несовершеннолетних в обязательном порядке выясняются:

- точный возраст, число, месяц и год рождения;
- условия жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности;
- влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Это требование направлено на то, чтобы суд располагал максимально полной информацией о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и мог принять решение, в наибольшей степени отвечающее интересам исправления подростка.

2.2. Судебное разбирательство

В судебной стадии также действует ряд специальных правил. В соответствии со ст. 241 УПК РФ [1], разбирательство дел в отношении несовершеннолетних может быть проведено в закрытом судебном заседании. Это делается для того, чтобы избежать психологической травматизации подростка, оградить его от излишнего публичного внимания и предотвратить стигматизацию.

Весь ход судебного заседания должен быть подчинен задаче воспитательного воздействия. Судья обязан не только установить юридический состав преступления, но и выявить мотивы, побудившие подростка к противоправным действиям, а также причины, способствовавшие этому. Акцент смещается с формальной констатации вины на глубокое изучение личности и социальной ситуации.

2.3. Особенности постановления приговора и применения иных мер

Заключительной стадией, где наиболее ярко проявляется ювенальный подход, является постановление приговора. Уголовный кодекс РФ предусматривает для несовершеннолетних ряд льгот:

- значительное сокращение видов и размеров наказаний;
- применение принудительных мер воспитательного воздействия (ПМВВ) как альтернативы уголовному наказанию за преступления небольшой и средней тяжести (ст. 90, 91 УК РФ) [2].

ПМВВ (предупреждение, передача под надзор, возложение обязанности загладить причиненный вред и др.) носят восстановительный характер. Их цель – не кара, а коррекция поведения подростка без применения судимости, которая может оказать негативное влияние на всю его последующую жизнь. Однако эффективность этого института напрямую зависит от качества контроля за их исполнением и наличия инфраструктуры для социально-психологической работы с подростком.

3. Ключевые проблемы реализации ювенальной юстиции в современной России

Несмотря на наличие развитой законодательной базы, ее практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем.

3.1. Кадровый и инфраструктурный дефицит. В России до сих пор не созданы специализированные ювенальные суды, рассматривающие дела с участием несовершеннолетних в качестве единой подсудности (как правонарушителей, так и потерпевших, и свидетелей). Отсутствие судей, прошедших специальную психолого-педагогическую подготовку, приводит к тому, что дела рассматриваются по общим правилам, лишь с формальным соблюдением процедурных норм главы 50 УПК РФ [1]. Аналогичная проблема существует и на стадии предварительного расследования, где следователи и дознаватели зачастую не обладают необходимыми навыками работы с подростками [7].

3.2. Формализм в применении ПМВВ. На практике суды нередко относятся к принудительным мерам воспитательного воздействия как к «второсортному» наказанию, отдавая предпочтение реальным мерам, даже когда закон позволяет ограничиться ПМВВ [2]. Это связано с отсутствием эффективных механизмов контроля за их исполнением. Возложение обязанности, например, «не посещать определенные места» или «пройти курс социально-педагогической коррекции» зачастую остается на бумаге, так как не подкреплено работой кураторов из органов системы профилактики.

3.3. Межведомственная разобщенность. Производство по делу несовершеннолетнего требует тесного взаимодействия органов следствия, суда, комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства, образовательных учреждений и социальных служб. На практике такое взаимодействие носит эпизодический и фрагментарный характер. Отсутствует единая база данных и система обмена информацией, что приводит к тому, что каждое ведомство действует в рамках своей узкой компетенции, не формируя целостной картины и индивидуального плана работы с подростком .

3.4. Недостаточное развитие восстановительного правосудия. Медиация и другие восстановительные программы, направленные на примирение правонарушителя с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда, применяются в России крайне редко. В то время как в странах с развитой ювенальной юстицией такие технологии являются центральным элементом, в России они остаются факультативными и слабо институционализированными.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что российский законодатель заложил прочную нормативную основу для осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних, в целом соответствующую международным стандартам. Однако существующая модель носит во многом декларативный характер

и не обеспечивает в полной мере реализацию философии ювенальной юстиции.

Для преодоления выявленных проблем необходима комплексная модернизация системы, включающая следующие меры:

1. Создание специализированных ювенальных судов (или хотя бы судебных составов в рамках существующих судов), укомплектованных судьями, прошедшими специальную подготовку в области детской и подростковой психологии.

2. Формирование системы социальных помощников суда и следователя – штатных сотрудников (социальных работников, психологов), которые бы проводили углубленное изучение личности и условий жизни несовершеннолетнего, готовили рекомендации для суда и осуществляли последующий контроль.

3. Разработка и внедрение национальной модели восстановительного правосудия для дел о преступлениях несовершеннолетних, с созданием служб медиации при судах и образовательных учреждениях.

4. Укрепление межведомственного взаимодействия через создание единых координационных центров на муниципальном и региональном уровнях, обладающих полномочиями по организации индивидуальной профилактической работы с каждым несовершеннолетним правонарушителем.

5. Развитие системы пробации (уголовно-исполнительных инспекций), ориентированной на работу с несовершеннолетними, для эффективного контроля за исполнением условного осуждения и ПМВВ [2].

Только переход от формального соблюдения процессуальных норм к построению целостной, гуманной и ориентированной на реабилитацию системы позволит создать в России полноценную ювенальную юстицию, способную не только бороться с преступностью, но и спасать детские судьбы.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 01.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.11.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 01.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.11.2025).
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 28.11.2025).
4. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 28.11.2025).
5. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. – М.: Дело, 2019. – 456 с.
6. Карнозова Л.М., Старков О.В. Восстановительное правосудие: от теории к практике // Российский криминологический взгляд. – 2022. – № 3. – С. 78-85.
7. Лобанова Л.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: особенности доказывания и процедуры. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 312 с.

РОЛЬ СУДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА

Нгуен Чонг Хынг
канд. юрид. наук,
преподаватель
Факультета расследований в сфере безопасности,
Академия Народной Безопасности,
Вьетнам, г. Ханой
E-mail: hungbasau@gmail.com

THE ROLE OF THE COURT IN ENSURING ADVERSARIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL TRIALS UNDER THE 2015 CRIMINAL PROCEDURE CODE OF VIETNAM

Nguyen Trong Hung
PhD in Law,
Lecturer at the Faculty of Security Investigations,
People's Security Academy,
Vietnam, Hanoi

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль суда в обеспечении состязательности в уголовном судебном разбирательстве в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Вьетнама 2015 года. На основе раскрытия содержания принципа состязательности и ответственности суда в уголовном судопроизводстве автор оценивает современную практику осуществления состязательности в уголовном судебном заседании, выявляет достигнутые результаты, а также существующие ограничения, влияющие на ее реальное осуществление.

ABSTRACT

This article analyzes the role of the court in ensuring adversarial proceedings in criminal trials in accordance with the 2015 Criminal Procedure Code of Vietnam. By examining the content of the adversarial principle and the responsibilities of the court in criminal procedure, the author assesses current practice in the implementation of adversarial proceedings in criminal court hearings, identifies achieved results, and highlights existing limitations affecting their effective realization.

Ключевые слова: суд; состязательность; уголовное судебное заседание; УПК 2015 года.
Keywords: court; adversarial proceedings; criminal trial; 2015 Criminal Procedure Code.

Принцип состязательности является одним из ключевых принципов, определяющих деятельность уголовного суда, и отражает тенденцию развития современного уголовного судопроизводства в направлении укрепления демократичности, справедливости и обеспечения прав человека. УПК Вьетнама 2015 года ознаменовал собой важный этап в законодательном развитии, впервые прямо закрепив принцип обеспечения состязательности в судебном разбирательстве в статье 26, согласно которой: «*Судебное разбирательство осуществляется на основе обеспечения состязательности».* Данное положение не только подтверждает центральную роль судебного заседания в уголовном процессе, но и возлагает на суд прямую юридическую обязанность по организации и руководству судебным разбирательством с целью обеспечения реальной состязательности сторон.

По своему содержанию состязательность в уголовном судопроизводстве представляется как процесс, в рамках которого участники процесса, прежде всего сторона обвинения и сторона защиты, реализуют право на представление доказательств, изложение своей позиции, аргументацию и публичное оппонирование перед судом в целях защиты своих процессуальных интересов. УПК 2015 года конкретизирует данное содержание путем четкого закрепления прав и обязанностей участников процесса, в частности права на защиту и права защитника участвовать в прениях (статья 72 УПК Вьетнама), а также права прокурора на осуществление публичного обвинения и участие в судебных прениях (статья 262 УПК Вьетнама). Таким образом, состязательность представляет собой не формальную процедуру, а правовой механизм, направленный на установление объективной истины по делу посредством равноправного и публичного спора сторон.

Библиографическое описание: Нгуен Ч.Х. РОЛЬ СУДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21670*

В рамках данного состязательного механизма суд не является субъектом, непосредственно участвующим в состязании сторон, а выступает центральным субъектом, обеспечивающим осуществление состязательности в соответствии с законом, на основе принципов справедливости и эффективности. УПК Вьетнама 2015 года четко закрепляет данную ответственность суда посредством ряда конкретных положений. В соответствии со статьей 26 УПК Вьетнама суд обязан *«обеспечивать участникам уголовного судопроизводства возможность в полном объеме реализовать свои права и обязанности».* Одновременно статья 326 УПК 2015 года устанавливает обязанность председательствующего судьи руководить судебным заседанием в установленном процессуальном порядке, обеспечивая сторонам возможность полного и всестороннего изложения своих позиций, а также демократичного и гласного участия в судебных прениях.

Обязанность суда по обеспечению состязательности прежде всего проявляется в его роли по организации и ведению судебного заседания. Судья – председательствующий в судебном заседании, обязан четко разграничивать процессуальные функции сторон, не подменяя функцию обвинения, осуществляемую органами прокуратуры, и не вмешиваясь в функцию защиты, реализуемую защитником. Допрос и судебные прения должны проводиться таким образом, чтобы создавать условия для активного представления сторонами доказательств, аргументов и взаимной критики, тогда как суд выполняет функцию процессуального регулятора, обеспечивающего порядок, объективность и беспристрастность судебного разбирательства.

Наряду с этим важнейшей обязанностью суда в обеспечении состязательности является оценка доказательств и вынесение судебного решения на основе результатов состязания сторон в судебном заседании. Часть 2 ст. 26 УПК 2015 года прямо подчеркивает: «*Приговор и иные решения суда должны основываться на результатах состязательности в судебном заседании».* Данное положение носит принципиальный характер для судебной деятельности и означает, что доказательства и материалы дела приобретают юридическую значимость лишь после их проверки и оценки в условиях публичного и равноправного состязания сторон. Тем самым преодолевается практика вынесения судебных решений преимущественно на основе материалов дела, характерная для традиционной инквизиционной модели уголовного судопроизводства.

Современное состояние роли суда в руководстве состязательностью в уголовном судебном заседании. В последние годы, в контексте требований судебной реформы и применения УПК Вьетнама 2015 года, роль суда в обеспечении состязательности в уголовном судебном разбирательстве претерпела определённые позитивные изменения. Судебная практика свидетельствует о том, что многие суды постепенно обновляют методы ведения судебных заседаний в направлении усиления состязательного начала, создавая условия для полноценной реализации участниками процесса своих прав и обязанностей.

Одним из заслуживающих внимания результатов является повышение уровня осознания судьями значения принципа состязательности. Во многих судебных заседаниях председательствующий судья уделяет внимание четкому разграничению процессуальных ролей сторон, ограничивает практику постановки вопросов вместо прокурора или защитника, а также разумно распределяет время для судебных прений. Право обвиняемого и защитника на изложение своей позиции, представление доказательств и участие в прениях стало уважаться в большей степени по сравнению с предыдущим периодом. Ряд уголовных приговоров демонстрирует, что суд при оценке доказательств и аргументации основывается на результатах состязания сторон в судебном заседании, а не преимущественно на материалах дела, переданных другими органами уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, наряду с достигнутыми результатами, практика руководства состязательностью в уголовных судебных заседаниях по-прежнему характеризуется рядом недостатков, негативно влияющих на ее реальное содержание. Прежде всего, в некоторых судебных заседаниях судья продолжает достаточно глубоко вмешиваться в процесс допроса и судебных прений сторон. Постановка председательствующим вопросов, носящих направляющий характер и ориентированных на уточнение материалов дела с позиции обвинения либо защиты, может привести к нивелированию состязательной роли органов прокуратуры и защитника.

Кроме того, обеспечение равного времени и условий для судебных прений сторон осуществляется не всегда последовательно. В ряде случаев стадия прений необоснованно сокращается, а возможность реплик и возражений ограничивается под предлогом того, что *«обстоятельства дела уже установлены»* либо «*доводы сторон повторяются».* Подобный подход, хотя и направлен на соблюдение сроков судебного разбирательства, может существенно сузить возможности сторон для представления и опровержения значимых аргументов, что, в свою очередь, снижает качество состязательности.

Еще одним недостатком является формальный характер отражения результатов состязательности в судебных приговорах. В отдельных случаях приговоры по-прежнему преимущественно воспроизводят выводы следствия и обвинительного заключения, не содержат при этом всестороннего анализа доводов, заявленных в ходе судебных прений, особенно аргументов стороны защиты. Это свидетельствует о том, что на практике состязательность в судебном заседании не всегда становится определяющим основанием для вынесения судебного решения.

Указанные недостатки отражают реальное положение дел, при котором роль суда в руководстве состязательностью в уголовном судебном разбирательстве, несмотря на определенные позитивные сдвиги, еще не достигла уровня реальной, содержательной состязательности, требуемой УПК Вьетнама 2015

года. Данное обстоятельство служит важной основой для дальнейших научных исследований, оценки судебной практики и выработки предложений по повышению эффективности обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве во Вьетнаме на современном этапе.

Для того чтобы состязательность в уголовном судебном разбирательстве реализовывалась на практике в полном и содержательном объеме, в строгом соответствии с духом УПК Вьетнама 2015 года, необходимо принятие комплексных мер, направленных на повышение роли суда. Ключевыми направлениями таких мер являются совершенствование правового регулирования, повышение профессионального уровня судей и обновление подходов к организации судебного разбирательства.

- Требуется дальнейшее совершенствование правовых норм, обеспечивающих состязательность в судебном заседании. В настоящее время УПК 2015 года ограничивается закреплением принципа состязательности в обобщенной форме, не устанавливая конкретных критериев оценки степени его реализации в судебной деятельности. В этой связи целесообразно разработать и принять разъясняющие и руководящие акты по применению законодательства, в которых была бы детально определена ответственность суда на каждой стадии судебного разбирательства, особенно ответственность судьи – председательствующего в судебном заседании – по созданию условий для реализации сторонами своих состязательных прав. Одновременно необходимо четко определить правовые последствия существенного нарушения принципа обеспечения состязательности, рассматривая такие нарушения в качестве основания для отмены или изменения судебного решения, что позволит усилить обязательный характер данного принципа.
- Особое внимание следует уделить повышению навыков судей в руководстве состязательным процессом. Обеспечение состязательности не означает пассивной роли судьи в судебном разбирательстве, а, напротив, предполагает наличие у судьи способности гибко, объективно и нейтрально регулировать ход судебного заседания. В этой связи система подготовки и повышения квалификации судей должна быть ориентирована на развитие таких навыков, как рациональное распределение времени судебных прений, разрешение сложных состязательных ситуаций, обеспечение реального равенства между стороной обвинения и стороной защиты. Важным направлением является также обобщение судебной практики и обмен профессиональным опытом по вопросам руководства состязательностью.
- Необходимо обновление судебного мышления в направлении приоритетного значения результатов состязательности в судебном заседании. Суду следует переходить от модели вынесения решений, основанной преимущественно на материалах уголовного дела, к модели оценки доказательств и аргументов исходя из того, что было проверено и обсуждено публично в ходе судебного разбирательства. Это предполагает, что уголовный приговор должен всесторонне отражать позиции сторон в судебных прениях, особенно аргументы защиты и контраргументы в отношении обвинения. Лишь в том случае, когда результаты состязательности действительно становятся определяющей основой судебного решения, принцип состязательности может быть реализован в полном объеме.
- Необходимо совершенствование условий организации судебного разбирательства в целях эффективного обеспечения состязательности. Рациональное планирование времени судебных заседаний, снижение давления количественных показателей на деятельность судей, а также активное внедрение информационных технологий в судебную деятельность будут способствовать созданию благоприятных условий для полноценной реализации состязательности в судебном заседании. Комплексное осуществление указанных мер позволит повысить роль суда в обеспечении состязательности и, тем самым, улучшить качество и эффективность уголовного судопроизводства во Вьетнаме.

Исходя из анализа указанных проблем, в статье обосновывается вывод о том, что повышение роли суда в обеспечении состязательности в уголовном судебном разбирательстве должно осуществляться комплексно – посредством совершенствования законодательства, повышения профессионального уровня и навыков судей, обновления судебного мышления в сторону приоритета результатов состязательности, а также улучшения институциональных условий осуществления правосудия. Лишь при условии реального обеспечения состязательности в судебном заседании центральная роль суда может быть реализована в полном объеме, что будет способствовать повышению качества судебного разбирательства и обеспечению справедливости в уголовном процессе Вьетнама.

Список литературы:

1. Национальное собрание. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Изд-во «Национальная политическая правда», Ханой, 2013.
2. Национальное собрание. Уголовно-процессуальный кодекс. Изд-во «Национальная политическая правда», Ханой, 2015.
3. Центральный комитет Коммунистической партии Вьетнама. Резолюция № 49-NQ/TW от 2 июня 2005 г. «О стратегии судебной реформы до 2020 года». Изд-во «Национальная политическая правда», Ханой, 2005.
4. Верховный народный суд Вьетнама. Некоторые вопросы состязательности в судебном разбирательстве в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом 2015 года: учебно-методические материалы. Ханой, 2017.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО, БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

ЭВОЛЮЦИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мамедова Нармин Габил кызы
студент
Самарского государственного экономического университета,
РФ, г. Самара
E-mail: narminm24@gmail.com

Головачева Лариса Николаевна
канд. экон. наук,
доц. кафедры финансов
Самарского государственного экономического университета,
РФ, г. Самара
E-mail: muln@mail.ru

EVOLUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S TAX SYSTEM

Mamedova Narmin Gabyl kizi
Student of Samara State University of Economics,
Russia, Samara

Golovacheva Larisa Nikolaevna
Associate Professor of the Department of Finance,
PhD in Economics at Samara State University of Economics,
Russia, Samara

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу становления и развития налоговой системы Российской Федерации на протяжении последних трёх десятилетий. Рассматриваются ключевые этапы трансформации: от нестабильной системы 1990-х годов через кодификацию налогового законодательства к современной прогрессивной модели налогообложения.

ABSTRACT

The article analyzes the formation and development of the Russian Federation's tax system over the past three decades. It examines the key stages of transformation, from the unstable system of the 1990s through the codification of tax legislation to the modern progressive taxation model.

Ключевые слова: налоговая система, налоговые реформы, прогрессивное налогообложение, НДФЛ, Налоговый кодекс РФ, налоговая политика, фискальная политика.

Keywords: tax system, tax reforms, progressive taxation, personal income tax, Tax Code of the Russian Federation, tax policy, fiscal policy

---

Введение

Становление современной налоговой системы Российской Федерации началось в период кардинальной трансформации экономического строя. После распада Советского Союза необходимо было разработать совершенно новую налоговую архитектуру, отвечающую принципам рыночной экономики [1]. На протяжении 1991–1998 годов налоговое законодательство носило фрагментарный характер, характеризуясь множеством указов и постановлений, часто противоречащих друг другу [2]. Период радикальной экономической реформы требовал быстрого формирования налоговых механизмов, хотя правовая база развивалась неравномерно. В частности, 25 октября 1991 года указом Президента РСФСР № 161 был образован Государственный таможенный комитет РСФСР, ставший одним из первых органов налогового контроля в новой России [3].

Если в начале 1990-х годов главной задачей было наполнение бюджета любой ценой в условиях гиперинфляции, то к середине 2020-х приоритеты сместились в сторону социальной справедливости,

Библиографическое описание: Мамедова Н.Г., Головачева Л.Н. ЭВОЛЮЦИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21522*

выравнивания неравенства и стимулирования инвестиций через тонкую настройку фискальных механизмов. В данной статье авторы подробно рассмотрели четыре ключевых этапа этой эволюции: «силовой» этап 90-х, эпоху стабильности «плоской шкалы», период цифровой революции и современный этап структурных реформ.

Эпоха становления: «Налоговая полиция» и хаос 90-х (1991–1998)

Период с 1991 по 1998 год можно охарактеризовать как время проб и ошибок. После распада СССР старая система изъятия прибыли государственных предприятий перестала работать, а новая только формировалась. Закон «Об основах налоговой системы в РФ», принятый в конце 1991 года, заложил базу, но на практике царила неразбериха.

В 90-е годы налоговое законодательство не было кодифицировано. Нормы регулировались сотнями указов Президента и постановлений Правительства, которые часто противоречили друг другу. Региональные и местные власти, пользуясь правовым вакуумом, вводили собственные экзотические сборы — вплоть до налогов на прогон скота или содержание футбольных команд. В отдельные периоды количество различных налогов и сборов в стране превышало 200, что делало легальное ведение бизнеса практически невозможным.

Существовал, например, налог с оборота, который взимался не с прибыли, а с выручки, что приводило к вымыванию оборотных средств предприятий даже при убыточной деятельности. Бартерные сделки и «черный нал» стали основными способами выживания бизнеса.

Отличительной чертой этого этапа был «силовой» подход к администрированию. В 1992 году было создано Главное управление налоговых расследований, позже преобразованное в Федеральную службу налоговой полиции (ФСНП). Знаменитый слоган тех лет «Заплати налоги и спи спокойно» подкреплялся жесткими мерами: маски-шоу, аресты счетов и уголовные преследования стали нормой.

ФСНП была военизированной структурой со своим спецназом, правом ведения оперативно-розыскной деятельности и следствия. Логика государства была проста: в условиях низкой налоговой культуры и слабости гражданских институтов собрать налоги можно только принуждением. Однако, несмотря на жесткость, собираемость налогов оставалась критически низкой, что в итоге привело к бюджетному кризису и дефолту 1998 года. Этот крах стал катализатором для понимания: систему нужно не ужесточать, а упрощать и делать понятной[10].

Переломным моментом стало принятие Налогового кодекса РФ (НК РФ). Первая часть вступила в силу в 1999 году, унифицировав правила игры, но настоящая революция произошла в 2001 году с введением второй части НК РФ.

С 1 января 2001 года Россия первой из крупных экономик мира перешла на плоскую шкалу налога на доходы физических лиц (НДФЛ) со ставкой 13%. До этого действовала прогрессивная шкала со ставками от 12% до 30%, которая на практике не работала: высокие доходы массово скрывались в конвертах[4].

Реформа преследовала цель легализации доходов («обеление» зарплат). Результат превзошел ожидания: уже в первый год после введения плоской шкалы поступления НДФЛ в реальном выражении выросли на 23,7%, а в следующем — еще на 21,4%. Простота администрирования и низкая ставка сделали уклонение от налогов экономически нецелесообразным для среднего класса. Этот период на долгие 20 лет закрепил за Россией статус страны с одной из самых либеральных налоговых систем для физических лиц в Европе.

Параллельно шла реформа налога на прибыль. Ставка была снижена с 35% до 24%, а затем и до 20%. Были отменены «оборотные» налоги, что дало мощный импульс развитию промышленности. Именно в эти годы налоговая система превратилась из тормоза экономики в драйвер роста, позволив бизнесу планировать инвестиции в долгую.

Следующий этап эволюции связан не столько с изменением ставок, сколько с кардинальной перестройкой администрирования. Под руководством Михаила Мишустина ФНС взяла курс на тотальную цифровизацию, превратившись в одну из самых технологичных IT-компаний в госсекторе.

Главным прорывом стало внедрение в 2015 году Автоматизированной системы контроля НДС (АСК НДС-2). Система начала в автоматическом режиме сопоставлять книги покупок и продаж всех контрагентов в стране. Это фактически уничтожило рынок «фирм-однодневок». Если раньше мошенники могли заявить вычет по НДС на основании фиктивных бумажных счетов-фактур, то теперь система мгновенно видит «разрыв» в цепочке уплаты налога.

В результате налоговый разрыв по НДС (разница между тем, что должны заплатить, и тем, что заплатили) сократился с 8% в 2016 году до менее 0,4% к 2019 году. Бюджет получил триллионы рублей без повышения ставок[5].

С 2017 года началась реформа контрольно-кассовой техники (ККТ). Внедрение онлайн-касс позволило налоговой службе видеть каждую транзакцию в розничной торговле в режиме реального времени. Это не только обелило ритейл, но и дало государству мощный инструмент аналитики потребительского поведения, что оказалось критически важным в период пандемии COVID-19 для точечной поддержки отраслей[7].

Цифровизация повлекла за собой и структурные изменения в малом бизнесе:

Введение НПД (Самозанятость): В 2019 году стартовал эксперимент по налогу на профессиональный доход (4% с физлиц, 6% с юрлиц). Благодаря удобному приложению «Мой налог», где регистрация занимает 3 минуты, из тени вышли миллионы фрилансеров, репетиторов и арендодателей. К 2024 году число самозанятых превысило 10 миллионов человек.

Отмена ЕНВД: С 1 января 2021 года был отменен Единый налог на вмененный доход. Этот режим,

популярный в 2000-е, стал анахронизмом в цифровую эру, так как позволял крупным сетям дробить бизнес и платить фиксированную сумму независимо от реальной (и часто огромной) выручки[8].

Отдельного внимания заслуживает эволюция налогообложения нефтегазового сектора, формирующего значительную часть бюджета. С 2015 по 2024 год в отрасли реализовывался так называемый «налоговый маневр».

Суть маневра заключалась в постепенном обнулении экспортных пошлин на нефть и зеркальном повышении Налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ).

Цель: Убрать скрытую субсидию для нефтепереработки (раньше пошлина на сырую нефть была высокой, а на мазут низкой, что стимулировало производство дешевых темных нефтепродуктов).

Результат: Российские нефтяные цены сравнялись с мировыми (за вычетом транспорта), что заставило НПЗ модернизироваться, увеличивая глубину переработки. Бюджет перестал зависеть от факта экспорта, начав взимать ренту непосредственно у скважины.

5. Возвращение прогрессии: Реформы 2020–2025 годов

В 2020-х годах маятник налоговой политики качнулся в сторону социальной справедливости и мобилизации доходов для новых государственных задач.

Как уже отмечалось, в 2021 году была введена ставка 15% для доходов свыше 5 млн рублей в год («налог для богатых»). Собранные средства (более 150 млрд руб. ежегодно) были «окрашены» и направлены в фонд «Круг добра» для лечения детей с тяжелыми заболеваниями. Это был важный психологический рубеж — отказ от «священной» плоской шкалы.

В 2024 году был принят пакет законов, знаменующий самую масштабную перестройку системы за 20 лет, которая вступила в силу с 1 января 2025 года.

Пятиступенчатая шкала НДФЛ: Вместо двух ступеней введена полноценная прогрессия.

1. 13% — для доходов до 2,4 млн руб. в год (200 тыс. руб. в месяц). Это сохраняет ставку для большинства граждан.
2. 15% — от 2,4 до 5 млн руб.
3. 18% — от 5 до 20 млн руб.
4. 20% — от 20 до 50 млн руб.
5. 22% — свыше 50 млн руб.

Эта мера призвана сократить социальное неравенство, изымая большую долю сверхдоходов.

Рост налога на прибыль до 25%: Ключевое изменение для бизнеса — повышение базовой ставки налога на прибыль с 20% до 25%. Это вынужденная мера для балансировки бюджета в условиях роста расходов на оборону и нацпроекты. По оценкам Минфина, только эта мера принесет бюджету около 1,6 трлн рублей в 2025 году. При этом для компаний, активно инвестирующих в технологии (через инвестиционный вычет), нагрузка может не вырасти.

НДС на «упрощенке»: С 2025 года плательщики УСН (упрощенной системы) с оборотом свыше 60 млн рублей обязаны платить НДС (по ставке 5% или 7%, либо стандартной 20% с вычетами). Это закрывает схемы дробления бизнеса, когда средние предприятия маскировались под малые.

В экспертном сообществе обсуждаются дальнейшие шаги, включая возможную корректировку ставки НДС. Ранее озвучивались предложения о повышении НДС до 22% к 2026 году как резервном источнике доходов, однако окончательное решение будет зависеть от макроэкономической ситуации и успешности сбора обновленного налога на прибыль.

Заключение

Эволюция налоговой системы Российской Федерации за 35 лет прошла колоссальный путь. Авторы отмечают переход от «налогового средневековья» 90-х с его бартером и силовыми рейдами к «золотому веку» плоской шкалы, обеспечившему выход экономики из тени. Затем последовала эра технократической цифровизации, сделавшая уплату налогов незаметной и неизбежной.

Текущий этап (2024–2025 гг.) характеризуется поиском нового баланса. Государство переходит к модели «справедливого изъятия»: больше платят те, кто больше зарабатывает (граждане со сверхдоходами и прибыльный бизнес), при сохранении льготных режимов для малых предпринимателей и самозанятых. Налоговая система перестала быть просто инструментом сбора денег — она стала ключевым механизмом социального выравнивания и стимулирования технологического суверенитета страны.

Список литературы:

1. Пансков, В. Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации: курс лекций / В. Г. Пансков. — Москва: Высшее образование, 2021. — 432 с.
2. Васильева, Г. Е. Исторические аспекты налогообложения в России и их влияние на современную налоговую систему / Г. Е. Васильева // Вестник Финансового университета. — 2020. — № 5. — С. 142–157.
3. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Историческая справка о развитии таможенной системы России. — Москва, 2023. — 24 с.
4. Елемесов, К. М. Переход к рыночной экономике в России: реформы и их последствия / К. М. Елемесов // Экономический журнал. — 2018. — № 11. — С. 78–89.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
6. Крохина, Ю. А. Теоретические основы построения системы налогового права Российской Федерации / Ю.А. Крохина // Налоги и финансовое право. — 2020. — № 2. — С. 45–62.

7. Путин, В. В. Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России. 23 июня 2020 года / В.В.Путин // Официальный сайт Президента России. — Режим доступа: https://www.kremlin.ru (дата обращения 01.12.2025)
8. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц: Федеральный закон от 23 ноября 2020 г. № 372-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 48. — Ст. 7713.
9. Федеральная налоговая служба. Итоги сборов налога на доходы физических лиц с применением прогрессивной шкалы за 2021 год. — Москва, 2022. — 8 с.
10. Фокина, Т. В. Сборы НДФЛ в бюджетную систему Российской Федерации в условиях введения прогрессивной шкалы налогообложения / Т. В. Фокина // Налоги. — 2023. — № 6. — С. 28–41.

PAPERS IN ENGLISH

ECONOMIC SCIENCES

GLOBAL ECONOMY

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21520

IMPACT OF MODERN TECHNOLOGIES ON THE OPERATIONAL EFFICIENCY AND EMOTIONAL PERCEPTION OF EVENTS

Shmeleva Iuliia
Founder & president,
RED STAR EVENTS INC,
Lauderdale Lakes, FL, USA
E-mail: sunnydecormia@gmail.com

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОПЕРАЦИОННУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ МЕРОПРИЯТИЙ

Шмелёва Юлия
основатель и президент компании,
RED STAR EVENTS INC,
США, штат Флорида, г. Лодердейл Лейкс

ABSTRACT

The article examines the impact of modern technologies on the operational efficiency and emotional perception of events. Special attention is paid to the role of artificial intelligence as a key factor transforming the event industry and enhancing the manageability of event operations. Based on the analysis of market trends and contemporary approaches to mass event management, the study proposes an original technological model for organizing high-quality events. A case of its practical implementation is presented, demonstrating measurable improvements in both emotional response and operational efficiency. The study concludes that technological advancement plays a strategic role in shaping competitive and experience-oriented event practices.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется влияние современных технологий на операционную эффективность и эмоциональное восприятие мероприятий. Особое внимание уделено роли искусственного интеллекта как фактора трансформации ивент-индустрии и усиления управляемости организации событий. На основе анализа рыночных трендов и подходов к управлению массовыми мероприятиями разработана авторская технологическая модель организации качественных ивентов. Приведен пример ее практической апробации, доказывающий полученные эффекты повышения эмоциональной реакции и операционной эффективности. Сделан вывод о стратегическом значении технологизации для формирования конкурентоспособных событийных практик.

Keywords: modern technologies in the event industry, AI in event management, operational efficiency of events, event emotionality, emotional perception of events through technology.

Ключевые слова: современные технологии в ивент-индустрии, ИИ в организации событий, операционная эффективность событий, эмоциональность событий, эмоциональное восприятие событий через технологии.

Introduction. The contemporary event industry represents one of the most dynamic and technologically oriented segments of the global economy, whose development is driven by both economic and innovation-related factors. Existing industry research indicates that in recent years the United States and the broader North American region have established a global network of technological innovations in the field of event planning, organization, and execution. For example, according to the analytical review *North America Events*

Библиографическое описание: Shmeleva I. IMPACT OF MODERN TECHNOLOGIES ON THE OPERATIONAL EFFICIENCY AND EMOTIONAL PERCEPTION OF EVENTS // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21520*

Industry Market, the volume of the regional event market reached USD 464 billion in 2024 and is projected to grow to USD 1.58 trillion by 2035, with a compound annual growth rate (CAGR) of 11.78% (Fig. 1) [8].

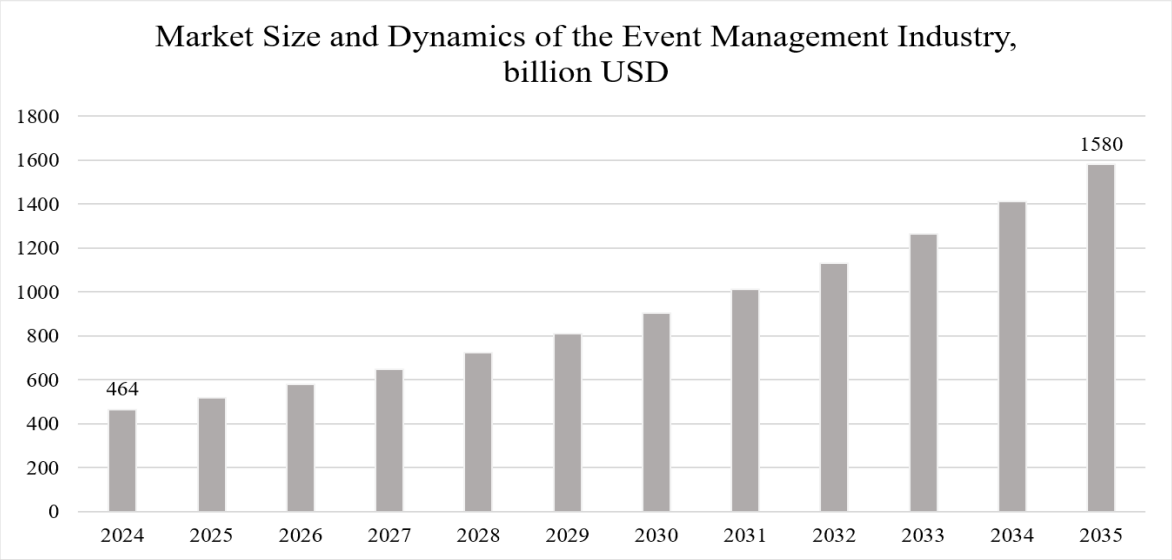

Figure 1. Volume and dynamics of the event organization market, USD billion (compiled by the author based on the North America Events Industry Market)

Since the United States is a strategic market for the development of the event industry, it is important to emphasize that it is precisely this market in which advanced infrastructural, technological, and behavior-oriented innovation processes are unfolding. In particular, the trend toward technological integration in the U.S. event market occupies a central position, shaping not only the organizational dimension but also the emotional and psychological experience of event participation. According to a report by Grand View Research, the U.S. event management market was valued at USD 285.18 billion in 2024 and is expected to grow to USD 471.44 billion by 2033, with growth driven by hybrid event formats, AI-powered analytics, virtual and AR/VR solutions, and a rising demand for personalized attendee experiences [10]. Thus, the technological foundation of event organization increasingly serves as a product-defining factor influencing operational efficiency. Simultaneously, the market for event management software is undergoing structural transformation: as reported in the *Event Management Software Market*, technological solutions are expanding across planning, audience management, behavioral analytics, and financial flow optimization. The U.S. market demonstrates the fastest adoption of AI tools, automated CRM modules, contactless interaction systems, and predictive analytics, owing to the country's leadership in technological development. These technologies often become a key source of competitiveness for organizers by reducing costs and accelerating event preparation processes [5].

Another study (*Events Industry Market Research 2035*) shows that the key directions of global industry development include personalization, hybridization, and emotion-driven design, all of which are increasingly amplified by technological solutions [6]. The emotional richness of an event is increasingly constructed through digital mechanisms—such as spatial design supported by immersive visual technologies, interactive AR zones, mobile applications used as instant feedback channels, and hybrid communication formats that connect offline and online participants simultaneously. Importantly, it is not only the form that matters but also the ability of technologies to create a sense of psychological "presence," intensify impressions, and consequently shape participants' subsequent behaviors. Academic literature offers its own perspectives on the influence of technology on event organization; for instance, J. Chen, S. Jung, and L.A. Cai conclude that technologies act as mediators of emotional experience, fostering event-oriented audience engagement. The authors emphasize that technology-enhanced engagement amplifies participants' emotional responses and generates new forms of interaction linked to digital personalization and the capabilities of specific technological solutions [4]. Fundamentally, the authors' arguments align directly with U.S. market trends, within which technologies function as a key driver of increasing attendee satisfaction and sustaining audience loyalty.

Thus, the relevance of this study is determined by the dual nature of modern technologies in the event industry. On the one hand, technologies enhance operational efficiency by enabling automation of event preparation and management, optimizing team performance, and reducing organizational risks. On the other hand, technologies act as catalysts for emotional responses that shape a qualitatively new experience of event participation. It is at the intersection of these rational and emotional dimensions that a new model of events is emerging, and the examination of its underlying mechanisms forms the basis of the present study.

The aim of the study is to characterize the impact of modern technologies on the operational efficiency and emotional perception of events.

Research methodology. The theoretical basis of the study consists of open industry reports, aggregated data, and scholarly publications addressing emotionality, technologization, and the development of the

event industry. The study employs methods of comparative, generalizing, and descriptive analysis, as well as design and modeling approaches.

Results and discussion. When examining current trends in the technologization of the U.S. event industry, it is important to note that, according to contemporary literature [7; 9; 11], the country is characterized by a set of distinctive trends that define specific boundaries and features of technological influence on the industry (Fig. 2). Summarizing these trends, it can be stated that, for the most part, technologies act as a driver of development, cost reduction, and improvements in the processes of planning, organizing, and further advancing events. Technologies enable the formation of a new type of experience, and for each trend, there are identifiable effects of technological impact on the event industry.

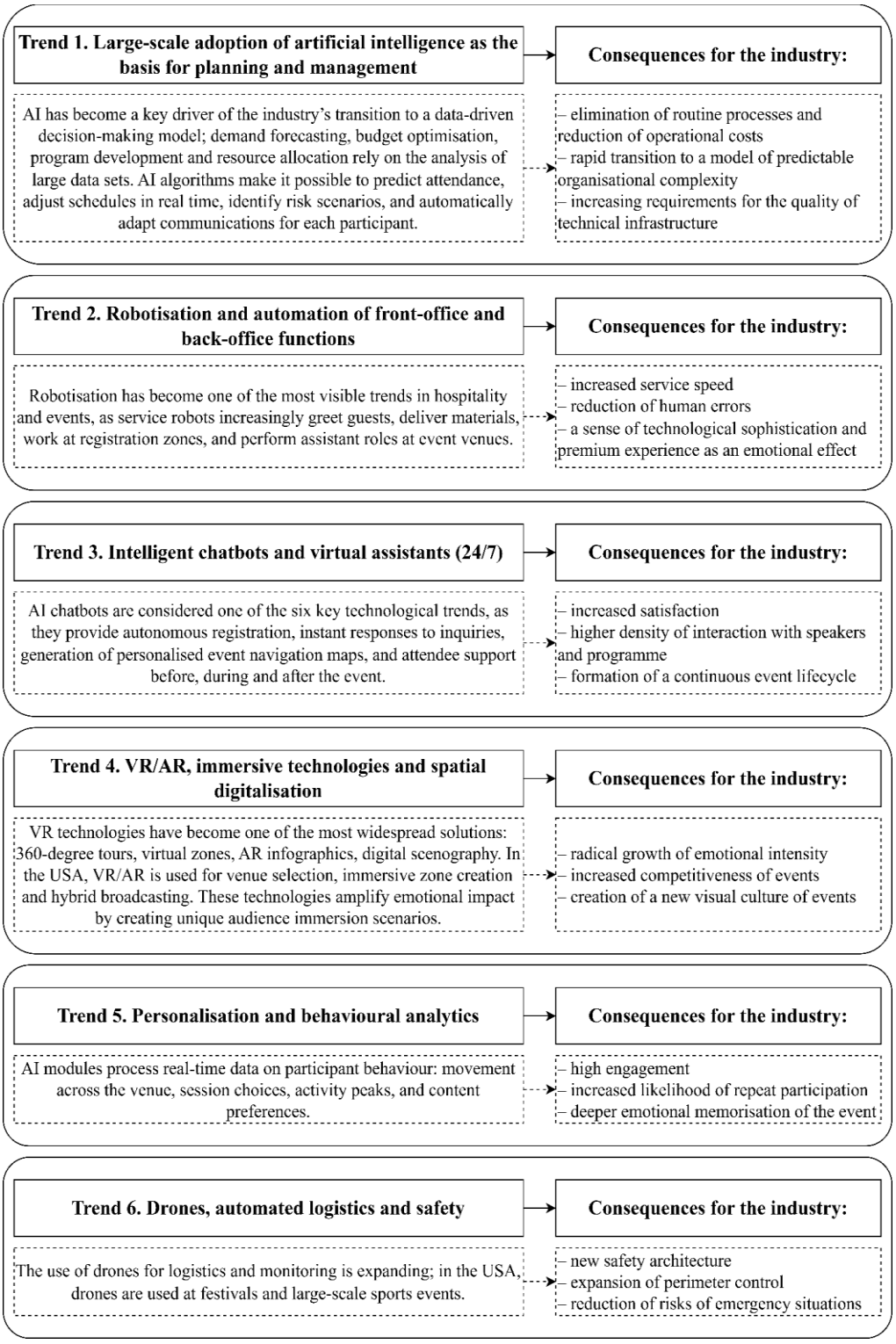

Figure 2. Technologization trends in the U.S. event industry, compiled by the author based on [7; 9; 11 et al.].

Logically, in the context of modern trends, event management is actively evolving and transforming toward the integration of classical event-management models with innovative, technologically mediated capabilities. As noted earlier, the technological framework determines the quality of preparation, organization, and the emotional character of events. At the same time, the event management system itself can be viewed as a complex project-oriented process in which analytical tools, safety technologies, digital communication channels, and the ability to assess audience reactions in real time play a crucial role.

In event planning, as rightly noted by S.G. Ermakov and co-authors, the most in-demand approach remains the one based on the event life cycle and its formalized stages and processes. The authors emphasize that most difficulties in event management arise from the absence of a systematic approach, intuitive rather than structured organization, weak planning, unclear goals, and the lack of well-defined business processes [2]. An equally significant aspect is risk management, especially given the instability of the economic environment and the challenges associated with working with large audiences; for this reason, the development of event management follows a trajectory of adaptability and readiness for change. Organizers must be able to rapidly reconfigure processes, reallocate resources, and maintain continuous interaction throughout the event [1].

Critically evaluating the authors' arguments, it becomes evident that technologies serve as an essential supporting tool for event management; moreover, the role of AI as a universal management instrument is now viewed as fundamental. AI enhances human competencies and, at the functional level, enables organizers to promptly identify deviations during an event, collect audience data, predict bottlenecks, and anticipate peak loads. Thus, technologization increases the manageability of events and reduces the likelihood of disruptions at various stages of their organization. Alongside AI, many other solutions are also in demand [3], applied situationally depending on the specific phase of the event (Table 1).

Table 1.

Event management and planning tools, compiled by the author

№	General phase of the event	Examples of tools
1	Preparation phase	• AI systems analyze the target audience, forecast attendance, identify risks, and propose scenarios for crowd flow distribution; • project management systems automatically generate roadmaps, budget plans, and resource allocation schemes;
2	Event execution phase	• crowd-monitoring technologies (drones, cameras, sensors) continuously assess spatial safety; • contactless services and chatbots support communication and reduce the risk of overloading information channels; • interactive systems help manage audience mood (lighting effects, personalized push notifications, etc.);
3	Post-event analytics phase	• data collection becomes automated through digital traces, behavioral metrics, movement maps, and reactions to content; • participants' emotional responses are analyzed via social media, mentions, and app-based feedback;

Thus, it is evident that due to modern technologies, event management becomes an end-to-end digital process in which higher-quality organization of earlier stages positively influences subsequent ones. It is also important to separately emphasize the impact of technological sophistication on participants' emotional perception of an event, since:

- systemic security creates a sense of safety at large-scale events;
- digital navigation simplifies movement, optimizes crowd flow, and distributes activity;
- immersive zones enhance satisfaction and the degree of engagement;
- real-time communication fosters a feeling of control and care on the part of organizers;
- social media amplify the effect of an event's "social significance," serving as a platform for marketing, etc.

Based on the above, the author proposes an approach to organizing high-quality events through their emotionally and technologically mediated perception (Fig. 3).

The proposed conceptual model represents an end-to-end technologically mediated system in which emotional perception serves as an integrative indicator of management quality, and technologies function as a tool for its intentional construction. Its foundation lies in the synergy of human creativity, human potential, and AI-driven capabilities. The model is guided by the principles of analytical precision, organizational resilience, and emotional variability, which together enable the creation of events that are both operationally efficient and emotionally expressive in their impact on the audience.

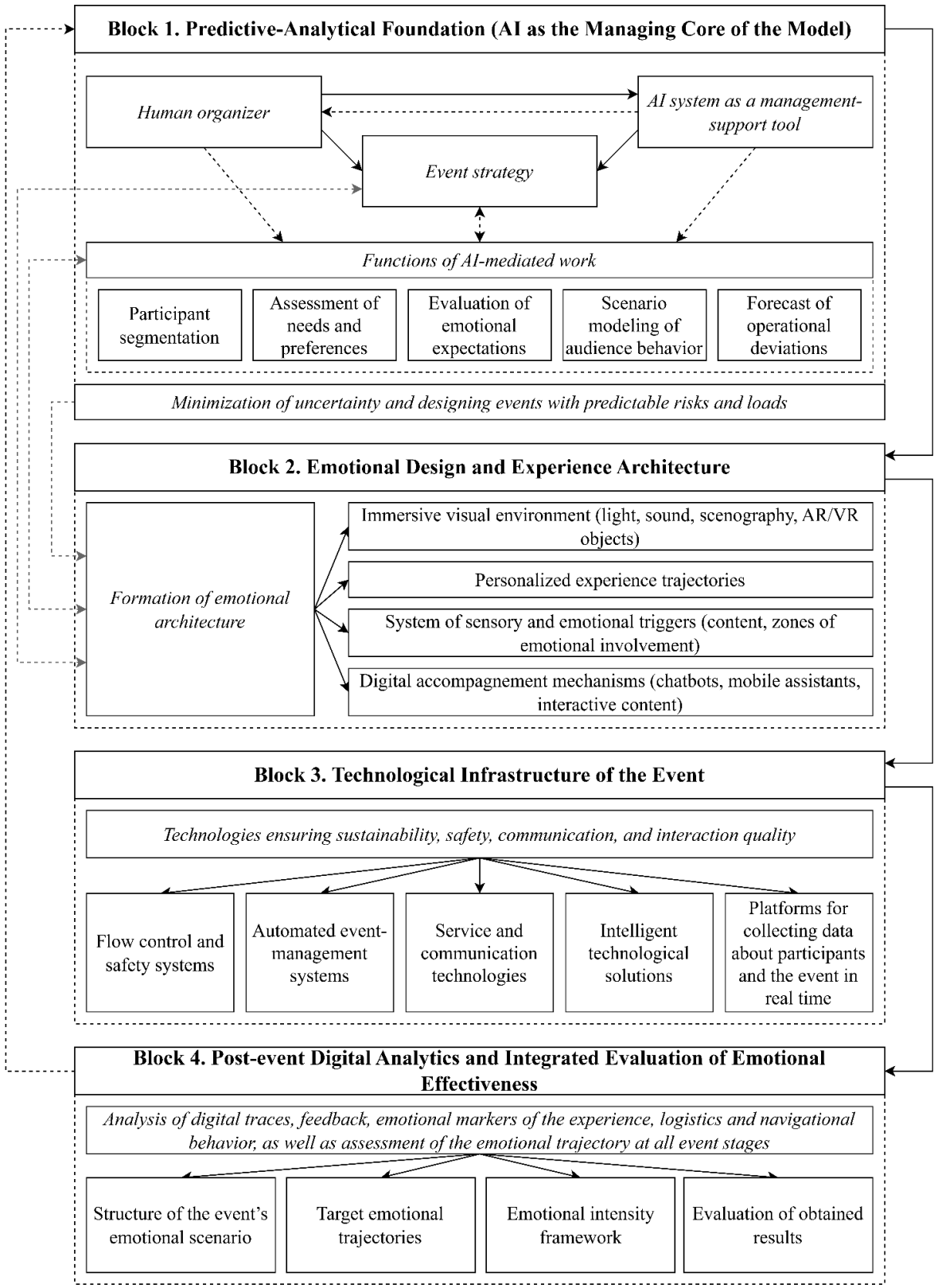

Figure 3. Technological model for organizing high-quality events through emotional perception, developed by the author

The developed model demonstrates that integrating AI into the event organization process enables the formation of a controlled emotional dynamic among participants and allows achieving a qualitatively new level of experience. Practical testing of the model confirms this relationship.

During the organization of the event, a remote fireworks launch system with an integrated AI-based synchronization module was implemented. At first glance, remote launch technology itself is not an innovation; however, it was the use of AI algorithms that ensured the uniqueness of the resulting experience. The algo-

rithms made it possible to adjust the timing of the fireworks launch to the event's audiovisual structure, the intensity of emotional tension, and the pre-calculated "peak" moments of the program.

The emotional effect produced by the technology proved to be substantial. Participants exhibited a pronounced emotional response, and operational benefits were also achieved: in addition to eliminating the risk of triggering the fireworks at the wrong moment, it was possible to minimize personnel costs. Thus, this case demonstrates that the implementation of AI ensures synchronization, controllability, and expressiveness of impressions, all of which directly influence the overall perception of the event and enhance its memorability. This example illustrates the practical applicability of the proposed technological model and its ability to transform the emotional structure of events into a measurable operational outcome.

Conclusion. Thus, the modern event industry is gradually evolving toward technologically managed models of event organization, in which AI (together with other technologies) becomes a tool for enhancing operational efficiency and shaping participants' emotional perception. The analysis of trends, technological solutions, and mass event management tools demonstrates that it is the synthesis of digital technologies and emotional design that defines the emergence of a fundamentally new quality of event organization. The proposed model and its practical testing confirm that integrating AI makes it possible to ensure process predictability, increase participant satisfaction, and shape impactful experiences, which in turn becomes a source of competitive advantage for organizers even in a mature market.

References:

1. Dianova V.A., Kondratieva L.N., Kravchenko T.E. Adaptation of the event management process under high-risk competitive conditions in the service market. Natural and Humanitarian Studies, 2024, no. 2 (52), pp. 449–455.
2. Ermakov S.G., Makarenko Yu.A., Sokolov N.E. Event management: a review and systematization of approaches to event organization. Management Consulting, 2017, no. 9 (105), pp. 140–148.
3. Anthony A. Crowd management and the use of technology: to make or to mar, 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/369532148_Crowd_management_and_the_use_of_technology_to_make_or_to_mar
4. Chen J., Jung S., Cai L.A. A critical review of technology-facilitated event engagement: current landscape and pathway forward. International Journal of Contemporary Hospitality Management, 2025, vol. 37, no. 13, pp. 169–189. DOI: 10.1108/ijchm-02-2025-0236.
5. Event Management Software Market. Mordor Intelligence. URL: https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/event-management-software-market
6. Events Industry Market Research, 2035. Allied Market Research. URL: https://www.alliedmarketresearch.com/events-industry-market
7. Halim A.H.A. The transformative role of artificial intelligence in the event management industry. Journal of International Business Economics and Entrepreneurship, 2023, vol. 8, no. 2, pp. 98–106. DOI: 10.24191/jibe.v8i2.24045.
8. North America Events Industry Market. Market Research Future. URL: https://www.marketresearchfuture.com/reports/north-america-events-industry-market-44353
9. Sousa A., Pais S., Viana A. Applications of artificial intelligence in tourism and hospitality: a systematic literature review. Management, Tourism and Smart Technologies, 2024, pp. 291–302. DOI: 10.1007/978-3-031-44131-8_29.
10. U.S. Event Management Market (2025–2033). Grand View Research. URL: https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/us-event-management-market-report
11. Wang S., Wang Q., Cui Q., Lan T. Artificial intelligence in tourism: a systematic literature review and future research agenda. Sustainability, 2025, vol. 17, art. 9080. DOI: 10.3390/su17209080.

ECONOMY AND MANAGEMENT OF A NATIONAL ECONOMY

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21677

UZBEKISTAN'S NATIONAL FOOD SECURITY STRATEGY: INSTITUTIONAL REFORMS, FAO ALIGNMENT, MONITORING EFFECTIVENESS, AND GLOBAL TRENDS

Majidov Bakhodir Shokirovich
Teacher,
Department of Agronomy and Ecology,
Karshi State University,
Uzbekistan, Karshi
Email: bahodirdxn@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЗБЕКИСТАНА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ, СОГЛАСОВАНИЕ С ФАО, МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Маджидов Баходир Шокирович
Преподаватель кафедры агрономии и экологии,
Каршинский государственный университет,
Узбекистан, г. Карши

ABSTRACT

This article conducts a scientifically grounded analysis of Uzbekistan's National Food Security (NFS) Strategy, focusing on its recent shift from a state-centric model to a market-oriented, resilient food system. It examines the nature and impact of deep institutional reforms, particularly the de-monopolization of the sector and land tenure changes, and evaluates the strategy's alignment with FAO's four pillars (Availability, Access, Utilization, Stability) and relevant international guidelines. Crucially, the paper assesses the operational effectiveness of the National Monitoring System (NMS), using metrics like the food import coverage ratio (K) to highlight vulnerabilities—such as structural monitoring deficiencies and exposure to global supply chain volatility. The findings position the Strategy within global agri-food trends (climate change, post-harvest loss reduction, green agenda) and argue that long-term success requires sustained institutional momentum and the integration of advanced, evidence-based governance, especially regarding M&E and resilience-building measures.

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет научно обоснованный анализ Национальной стратегии продовольственной безопасности (НСПБ) Узбекистана, фокусируясь на недавнем переходе от государственно-центричной модели к рыночно-ориентированной, устойчивой продовольственной системе. Рассматривается характер и влияние глубоких институциональных реформ, в частности, демонополизации сектора и изменений в земельных отношениях. Проводится оценка соответствия стратегии четырем компонентам ФАО (наличие, доступ, использование, стабильность) и соответствующим международным руководящим принципам. Ключевым является анализ операционной эффективности Национальной системы мониторинга (НСМ) с использованием таких показателей, как коэффициент покрытия продовольственного импорта (K), для выявления уязвимостей, включая структурные недостатки мониторинга и подверженность глобальной волатильности цепочек поставок. Полученные результаты позиционируют Стратегию в контексте глобальных агропродовольственных тенденций (изменение климата, сокращение послеуборочных потерь, «зеленая» повестка) и утверждают, что долгосрочный успех требует устойчивости институционального импульса и интеграции передового, основанного на фактических данных управления, особенно в отношении мер по мониторингу, оценке и повышению устойчивости.

Keywords: Uzbekistan, Food Security, Institutional Reforms, FAO Standards, National Monitoring System, Global Trends, Agricultural Policy, Resilience, Land Tenure, Agri-Food System.

Ключевые слова: Узбекистан, Продовольственная безопасность, Институциональные реформы, Стандарты ФАО, Национальная система мониторинга, Глобальные тенденции, Аграрная политика, Устойчивость, Земельные отношения, Агропродовольственная система.

Библиографическое описание: Majidov B.Sh. UZBEKISTAN'S NATIONAL FOOD SECURITY STRATEGY: INSTITUTIONAL REFORMS, FAO ALIGNMENT, MONITORING EFFECTIVENESS, AND GLOBAL TRENDS // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21677*

President Shavkat Mirziyoyev has consistently framed food security as an issue of national resilience, directly connecting population dynamics and resource scarcity to the need for scientific innovation and efficiency. A core, scientifically based quote that encapsulates this strategic priority is:

"In the current conditions of rapid population growth, where the population of our country increases by almost 1 million people annually, and with limited land and water resources, ensuring the stability of the domestic market can only be achieved through a rational, science-based approach and sharp increase in productivity."

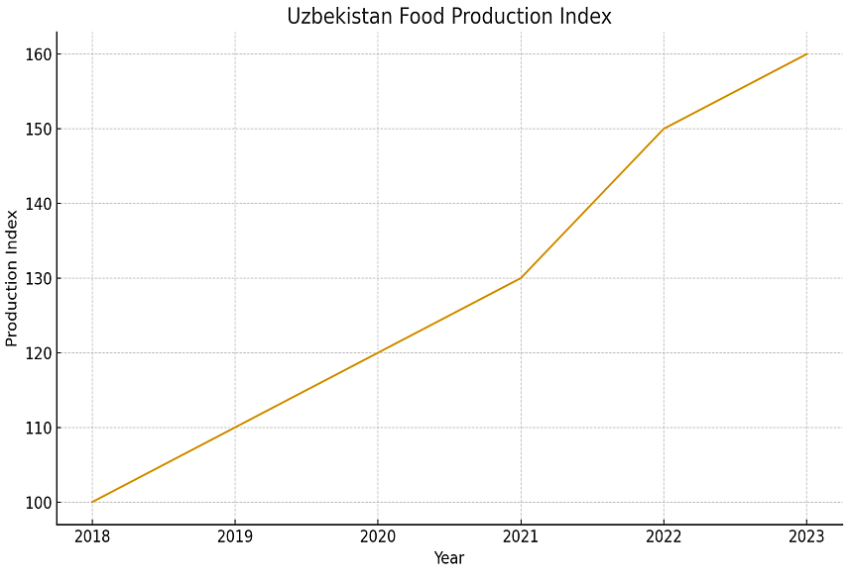

Figure 1. Results

Uzbekistan's strategic shift, particularly since the adoption of the Strategy for the Development of Agriculture of the Republic of Uzbekistan for 2020-2030, moves beyond traditional state-centric, self-sufficiency models toward a market-oriented, resilient food system. The core of the institutional reform lies in decreasing direct state involvement in sector management, fostering a favorable agribusiness environment, and establishing transparent land and water relations. Key measures include the ongoing revision of the Land Code, with technical support from the Food and Agriculture Organization (FAO), to strengthen land tenure security and develop a market for land use rights.[1]

This legislative transformation is crucial for unlocking private investment and fostering sustainable land management, directly addressing the country's historic reliance on centralized land governance.[2]

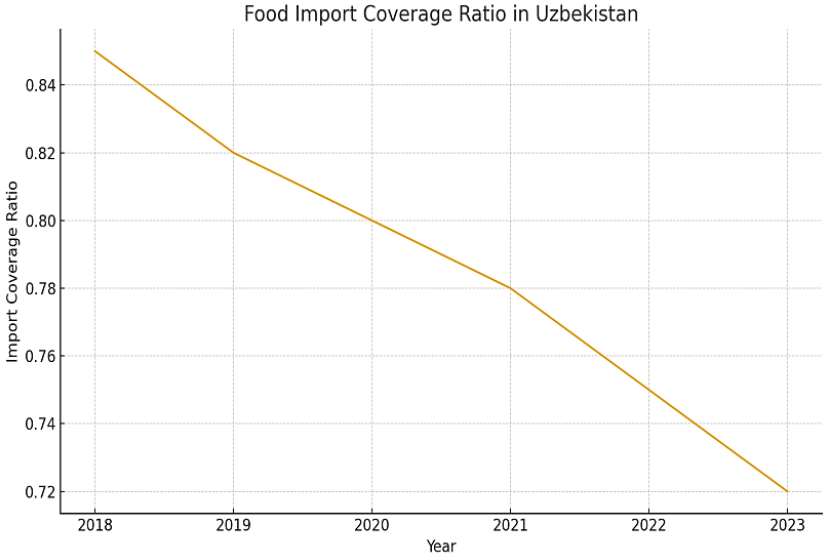

Figure 2. Results

The alignment of the national strategy with international benchmarks is evident in the adoption of the FAO's four pillars of Food Security: Availability, Access, Utilization, and Stability. Specific reforms, such as the strengthening of the food safety control system through collaboration with FAO and the advancement of a new Food Law, directly harmonize national legislation with international standards, including the Voluntary Guidelines on the Responsible Governance of Tenure of Land, Fisheries and Forests in the Context of National Food Security.[3]

This commitment not only protects consumer health and promotes balanced nutrition but also enhances the competitiveness of Uzbekistan's agricultural exports in the global marketplace, a critical component of economic stability.

Assessing the effectiveness of the National Monitoring System (NMS) reveals a dynamic, albeit still evolving, mechanism. The NMS utilizes indicators encompassing both physical and economic accessibility of food, going beyond mere production volume.[4] While data confirms substantial growth in the production of staple foods—with a significant increase in cereals, vegetables, and livestock products—challenges remain. The analysis of the food import coverage ratio (K), a key metric for physical availability, shows that while initially at an acceptable level, it has experienced a decline in recent years, pushing the physical availability of food toward the "low" level. This underscores a vulnerability to global market volatility and domestic demand pressure, which is compounded by rapid population growth. Furthermore, structural monitoring challenges, such as insufficient technical capacity for strategic monitoring and evaluation (M&E) within some government institutions and the historical issue of centralized, siloed policy-making, necessitate continuous improvement in evidence-based governance. The introduction of drone-based monitoring for efficient land use is a notable innovation, but comprehensive, integrated M&E remains an area for reinforcement.

Table 1.

Dynamics of key food indicators in Uzbekistan (2018–2023)

Year	Food Production Index (2018 = 100)	Import Coverage Ratio (K)	Explanation
2018	100	0.85	Baseline year for comparison
2019	110	0.82	Increased domestic output; slight rise in import dependency
2020	120	0.80	COVID-19 disruptions affecting logistics and supply chains
2021	130	0.78	Expansion of agro-industrial clusters and modernization efforts
2022	150	0.75	Significant growth in crop yields; rise in export volumes
2023	160	0.72	Increased vulnerability to imports amid rising domestic demand

Between 2018 and 2023, Uzbekistan's food production index increased steadily from 100 to 160, reflecting a 60% growth over five years. This growth indicates successful agricultural development, investment in production technologies, and expansion of agro-processing clusters.

The import coverage coefficient (K) decreased from 0.85 in 2018 to 0.72 in 2023. Econometrically, this suggests that although domestic production increased, the share of domestic supply relative to imports has slightly weakened, signaling potential rising import reliance for certain food categories.

The rapid increase in 2022–2023 is linked to both yield improvements and expanded export capacities. The negative correlation between food production index and import coverage coefficient (approximately -0.95) demonstrates that as domestic production grows, the proportion of imports in total food consumption tends to decrease. However, the declining K also warns policymakers to monitor the structural composition of domestic production and imports.

Sustaining high production growth while reducing import reliance requires strategic investments in:

- Advanced storage and logistics to mitigate pandemic-like disruptions.
- Crop diversification and high-value production to maintain food security.
- Trade policies that balance export promotion with domestic supply stabilization.

A simple linear regression of K on the food production index (2018=100) yields a negative slope, indicating an inverse relationship between domestic production growth and import dependency. This relationship can inform medium-term forecasts for import planning and food security risk assessment.

In the face of global trends—including climate change-induced water scarcity, land degradation, and persistent supply chain shocks—Uzbekistan's strategy must embed greater resilience.

The commitment to promoting Nature-based Solutions (NbS), such as agroecological and regenerative practices, often supported by international partnerships, aligns with global efforts to mitigate environmental impact while securing food systems.[5]

The focus on diversification of production, development of agro-logistics centers, and promotion of cluster models are direct responses to the global call for shorter, more resilient value chains and reduced post-

harvest losses, which historically have been significant (up to 25-30% for fruits and vegetables).

The government's targeted fiscal measures, such as the introduction of a zero-rate Value Added Tax (VAT) for many agricultural producers, are designed to formalize the economy, increase farm profitability, and boost investment, thereby addressing the issue of low productivity and technological lag that hinders competitive positioning against global players.[6]

Ultimately, the successful long-term implementation of the Uzbekistan NFS Strategy hinges on its ability to transcend administrative inertia, fully operationalize its data-driven NMS, and sustain the momentum of institutional reforms that anchor its goals firmly within global best practices for sustainable and resilient food systems.

The analysis of Uzbekistan's key food indicators over the period 2018–2023 reveals a sustained and remarkable growth in domestic food production, accompanied by gradual changes in import dependency.

The Food Production Index increased from 100 in 2018 to 160 in 2023, demonstrating a 60% rise within five years.

This growth reflects the positive impact of national agricultural policies, investments in modern production technologies, and the expansion of processing clusters, which collectively enhance the country's capacity to meet domestic food demand and strengthen its export potential.

Simultaneously, the import coverage coefficient decreased from 0.85 to 0.72, indicating that while domestic production has expanded, certain sectors remain reliant on imports. Econometric analysis confirms a strong negative correlation between the food production index and import dependency, highlighting the importance of structural balance in production and trade.

This trend underscores the necessity for strategic interventions to ensure sustainable food security, mitigate risks of over-reliance on imports, and optimize resource allocation.

From a policy and practical perspective, several recommendations emerge. First, investment in advanced storage, logistics, and distribution systems is essential to safeguard against potential disruptions similar to those experienced during the pandemic. Second, diversification of crop production and promotion of high-value agricultural products can enhance resilience and reduce external dependency.

Third, harmonized trade policies that balance export promotion with domestic supply stabilization are crucial to maintain long-term food security.

In conclusion, Uzbekistan's food system has demonstrated impressive resilience and growth, yet careful monitoring and proactive management are required to maintain sustainability.

Continued focus on technological innovation, structural diversification, and strategic policymaking will not only reduce import dependence but also strengthen the nation's position in regional and global food markets. Implementing these measures will provide a robust framework for achieving long-term food security, supporting sustainable economic development, and fostering self-reliance in the agricultural sector.

In synthesizing the analysis of Uzbekistan's National Food Security Strategy, it becomes evident that the country is navigating a critical juncture in its agricultural and food system development. The strategic pivot from a state-centric model to a market-oriented, resilient framework represents a profound institutional transformation, aimed at addressing both historical legacies and contemporary global challenges.

The success of this transition, however, is not guaranteed by reform decrees alone. It is contingent upon the depth and durability of institutional change—particularly in land tenure security and the de-monopolization of the sector—which are fundamental to unlocking private investment and innovation. While alignment with FAO's pillars and international guidelines provides a robust normative framework, the operationalization of these principles through effective governance remains a work in progress.

The National Monitoring System (NMS) stands as a testament to this evolving governance, yet its revealed vulnerabilities, exemplified by the declining food import coverage ratio, signal persistent risks. These risks stem from structural monitoring gaps, exposure to global volatility, and the relentless pressure of domestic demographic growth. Therefore, the strategy's long-term efficacy hinges on transcending these limitations by fully embedding advanced, evidence-based monitoring and evaluation (M&E) into the policy cycle. This includes leveraging technological innovations, like drone monitoring, and building human capacity for strategic analysis.

Furthermore, the strategy's relevance must be continually tested against accelerating global trends: climate change impacts on scarce water resources, the imperative to reduce post-harvest losses, and the integration of a green agenda through Nature-based Solutions. The promotion of diversified production, agile value chains, and supportive fiscal policies are positive steps toward building systemic resilience.

Ultimately, Uzbekistan's journey toward food security is a continuous process of adaptation and learning. Sustaining the reform momentum, closing the implementation gaps in the monitoring framework, and rigorously integrating resilience-building measures into every pillar of the strategy are not just recommendations but necessities. By doing so, Uzbekistan can solidify its transition, ensuring that its food system is not only productive and market-integrated but also equitable, sustainable, and capable of withstanding the shocks of an uncertain global future.

References:

1. Bozorov, A. (2022). Qishloq xo'jaligi modernizatsiyasi va mahsuldorlikning oshishi. *Qarshi Davlat Universiteti Ilmiy Axboroti*, *3*(1), 88–95.
2. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (2011). *The State of Food Insecurity in the World*. Rome.

3. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (2012). *Voluntary Guidelines on the Responsible Governance of Tenure of Land, Fisheries and Forests in the Context of National Food Security*. Rome.
4. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (2014). *The State of Food and Agriculture: Innovation in family farming*. Rome.
5. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (2023). *Food Security Indicators – Methodology and Metadata*. Retrieved October 26, 2023, from https://www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/
6. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (n.d.). *FAO in Uzbekistan*. Retrieved October 26, 2023, from https://www.fao.org/uzbekistan
7. IFAD. (2021). *Rural Development and Resilience Report: Central Asia Region*.
8. Jo‘rayev, A., & Tursunov, B. (2021). Oziq-ovqat xavfsizligi va agrar siyosatning institutsional asoslari. *Toshkent davlat agrar universiteti ilmiy jurnali, 2*(4), 45–57.
9. Mamatqulov, O. (2020). Agrar islohotlar va oziq-ovqat xavfsizligi strategiyalari. *O’zbekiston Qishloq xo’jaligi iqtisodiyoti jurnali, 12*(2), 59–67.
10. Ministry of Agriculture of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). *Official website*. Retrieved October 26, 2023, from https://agro.uz
11. Ministry of Ecology, Environmental Protection and Climate Change of the Republic of Uzbekistan. (2023). *Iqlim o’zgarishi va qishloq xo’jaligi barqarorligi bo’yicha milliy hisobot*.
12. OECD. (2022). *Agricultural Policy Monitoring and Evaluation – Uzbekistan Chapter*.
13. OECD. (n.d.). *Agricultural policy monitoring and evaluation*. Retrieved October 26, 2023, from https://www.oecd.org/agriculture/topics/agricultural-policy-monitoring-and-evaluation/
14. President of the Republic of Uzbekistan. (2019). *O‘zbekiston Respublikasi qishloq xo‘jaligini rivojlantirish strategiyasi 2020–2030*.
15. President of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). *Official website*. Retrieved October 26, 2023, from https://president.uz
16. Tashkent State University of Economics. (n.d.). *Scientific journal*. Retrieved October 26, 2023, from https://journal.tsue.uz
17. The World Bank. (2020). *Agriculture and Food: Uzbekistan Country Brief*. Washington, DC.
18. The World Bank. (2023). *Agriculture and food security in Uzbekistan*. Retrieved October 26, 2023, from https://www.worldbank.org /en/country/uzbekistan/brief/agriculture-and-food-security-in-uzbekistan

LEGAL SCIENCES

CIVIL LAW; THE ENTERPRISE RIGHT; A FAMILY LAW; THE INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21594

DISTRIBUTION OF COPYRIGHT ON AI-GENERATED CONTENT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIA AND THE EU APPROACHES

Shakhnina Arina
Bachelor of Law,
alumni of Financial University under The Government of Russian Federation,
Russia, Moscow
Email: alishaledom@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА К КОНТЕНТУ СОЗДАННОГО С ПОМОЩЬЮ ИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ РОССИИ И ЕС

Шахнина Арина Степановна
бакалавр Права,
выпускник Финансового Университета
при Правительстве Российской Федерации,
РФ, г. Москв

ABSTRACT

The article explores one of the most pressing issues in modern intellectual property law (IP law), whether content created using artificial intelligence (AI) is protected by it or not. The article analyzes the positions of Russian researchers, court practices, and provides a comparative analysis of legal approaches in the Russian Federation and the European Union (EU). In conclusion, the author identifies common trends and specific features of each legal system and formulates conclusions about possible future developments.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется одна из наиболее актуальных проблем современного интеллектуального права - защищается ли контент созданный с использованием искуственного интелекта (ИИ) или нет. В статье анализируется позиция российских исследователей, судебной практики и проводится сравнительный анализ правовых подходов в Российской Федерации и Европейского союза (ЕС). В заключение, после изучения, автор выявляет общие тенденции и специфику каждого из правопорядков, формулируются выводы о возможных путях дальнейшего развития.

Keywords: artificial intelligence, copyright, author's dilemma, AI user, algorithm developer, comparative legal analysis, Russian law, EU law.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, дилемма автора, пользователь ИИ, разработчик алгоритма, сравнительно-правовой анализ, право России, ЕС.

The rapid development and integration of artificial intelligence technologies, particularly generative models, into creative industries from visual arts and music to literature and film has presented legal systems worldwide with a set of extremely complex challenges. The lack of clear regulation on this matter only intensifies the debate surrounding it. The classical copyright paradigm, shaped over centuries and based on the principle of the author as a natural person a principle reflected in most copyright laws is now facing a new test of time. Today, Artificial Intelligence (hereinafter, AI) is so advanced and has become such a commonplace part of people's lives that its use is permeating the world of art and film. Consequently, new questions are emerging, and one of the most pressing at the moment, in the author's opinion, is whether copyright extends to materials created by AI. This article examines the legislation and doctrinal approaches to this issue in Russia, as well as provides a comparison with the EU approach, given that the Russian debate largely revolves around Article 1228 of the Civil Code of the Russian Federation. This

Библиографическое описание: Shakhnina A. DISTRIBUTION OF COPYRIGHT ON AI-GENERATED CONTENT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIA AND THE EU APPROACHES // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21594*

article stipulates that the author of a result of intellectual activity is the citizen whose creative labor produced it [5]. A number of researchers insist on a literal interpretation of this provision, arguing that AI is merely a tool, and the author should be recognized as the user who performed the creative selection and set the task (for example, by formulating the text prompt for the AI) [8]. Others point to the need to analyze the entire value creation chain and propose considering the possibility of recognizing co-authorship or introducing a new legal regime [7, p.5-22]. The absence of clear legislative regulation has led to the formation of legal positions occurring largely through court rulings. A key case in this regard is Case No. A40-200471/2023 [6]. This is one of the first cases in Russia where a court directly confronted the issue of protecting rights to an object created using AI technology (a deepfake in this case). The claimant, LLC " Рефейс технолоджис " held exclusive rights to a video created on its commission by a creative group that used a deepfake to generate an image of actor Keanu Reeves. The respondent used this video without permission, arguing that a work created by AI is not subject to copyright and attempted to challenge the application of copyright to this image. The Russian court's decision proved to be landmark. The courts of three instances rejected the respondent's arguments and upheld the claim, awarding compensation from the respondent. In response to the respondent's arguments that the deepfake video was not a product of human creativity and therefore could not be protected by copyright, the Moscow Arbitration Court, and subsequently the Ninth Arbitration Court of Appeal, formed a unified and fundamentally important position. The courts stated that the neural network was merely an "additional processing tool" analogous to complex graphic editing software. They recognized the key factor as being the personal creative contribution of the group of authors: the screenwriter, cinematographer, and motion designer, who controlled this technology. Their joint work, expressed in the original script, filming, and editing, gave rise to an audiovisual work protected by copyright.

This decision establishes the "instrumental approach" to AI technologies in practice. AI is viewed not as a co-author or an independent creator, but as a complex digital tool in human hands. The copyrightability of a work depends not on the fact of using a neural network, but on the demonstrable creative contribution of a human at the stages of conception, task-setting (prompting), and final selection of the result. Thus, this case sets an important practical criterion: if content creation requires creative decisions, skills, and control over the process from a human, copyright will protect the final object. This provides a degree of legal certainty for creators and companies already actively using AI in the production of video, images, and music, but simultaneously places on them the burden of proving their creative involvement.

Nevertheless, while this issue remains debatable in Russia, other jurisdictions also have problems addressing this problem. Let us examine how EU law addresses this question. An analysis of the case law of the Court of Justice of the European Union reveals decisions that define originality. A central element of the EU legal framework is the requirement for originality as an "author's own intellectual creation" first clearly articulated in the CJEU judgment in Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening (C-5/08, 2009). Here, the Court ruled that a work is protected by copyright only if it is the result of the author's intellectual creation, expressing their creative choices. This decision harmonized the standard of originality across the EU, emphasizing that protection does not require artistic merit or novelty, but necessarily involves a personal stamp [4, para. 45]. Subsequently, in Eva-Maria Painer v Standard VerlagsGmbH (C-145/10, 2011), the CJEU clarified that originality manifests through the free and creative choices made by the author during the creation stages, such as the choice of composition, lighting, or angle for photographs, reflecting their personality [3, paras. 88 94, 99]. The Court rejected the notion that certain types of works (e.g., portrait photographs) merit lesser protection due to allegedly limited creativity, reaffirming the approach that creativity is linked to the human mind and will.

These precedents highlight the dilemma in the world of AI, where content is generated based on statistical patterns rather than conscious choices; the absence of a human author leaves the work unprotected. Thus, European copyright law requires human authorship for protection. Consequently, purely AI-generated content will not be protected due to the lack of human contribution. Without evidence of a unique human creative contribution, content is not original and does not qualify for copyright protection. However, content created with the aid of AI can still be protected by copyright if a human has made a creative contribution to its creation and exercised significant control (e.g., through editing, curation, complex prompting). But again, simply inputting a basic prompt is insufficient; a "personal stamp" from a human is necessary.

An analysis of the legislation and case law approaches in Russia and the European Union regarding the determination of authorship for works created using artificial intelligence reveals both fundamental similarities in core principles and significant differences in their implementation. The common ground is the adherence to the principle that, in both Russia and the EU, copyright extends only to the results of activity created by a human, and only a human can be recognized as an author. Therefore, completely autonomously generated AI content, devoid of meaningful human input, is denied protection in both jurisdictions. However, the similarities end here, and fundamental differences in problem-solving methods begin. At the current stage, Russia has chosen the path of adapting existing legislation through case law. Case No. A40-200471/2023 became a landmark precedent where the court, recognizing AI as an "additional processing tool" effectively extended and applied the classical norm on creative labor to the new reality. In contrast, the EU is moving along the path of comprehensive, pre-emptive regulation. The EU is developing new laws to prevent disputes and introducing special norms for example, Regulation (EU)

2024/1689, also known as the AI Act which oblige developers to ensure transparency in data use and compliance with copyrights, creating stricter frameworks for the entire ecosystem [2]. Despite the differences, both legal systems face a common challenge. Having decided in both jurisdictions that copyright protection requires significant human participation in the creation of a work, the criterion for determining the extent of this human involvement remains unclear. What volume and nature of human intervention (e.g. complexity of the prompt, number of editing iterations, final selection) is sufficient to recognize a creative contribution? This question remains a "gray area" in both Russia and the EU, creating risks for legal certainty. The comparison shows that the dilemma of authorship in the age of AI cannot be solved by simple denial or the literal application of old norms. Russia, relying on the flexibility of its legal system and judicial practice, and the EU, building a comprehensive regulatory architecture, will both see their frameworks continuously tested by technological evolution. The most likely development vector in the medium term is not a radical revision of copyright fundamentals, but a further detailing of criteria and procedures, possibly through official clarifications or legislative amendments.

List of literature:

1. Directive (EU) 2019/790 on copyright and related rights in the Digital Single Market. — Текст : электронный // eur-lex.europa.eu : [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX:32019L0790 (дата обращения: 14.12.2025).
2. Regulation (EU) 2024/1689. — Текст : электронный // eur-lex.europa.eu : [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (дата обращения: 14.12.2025).
3. Case C-145/10 Eva-Maria Painer v Standard VerlagsGmbH and Others. — Текст : электронный // eur-lex.europa.eu : [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62010CJ0145_SUM (дата обращения: 14.12.2025).
4. Case C-5/08 Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening. — Текст : электронный // eur-lex.europa.eu : [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62008CJ0005_SUM&from=EN (дата обращения: 14.12.2025).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ// URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 14.12.2025).
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.08.2024 N С01-1330/2024 по делу N А40-200471/2023. — Текст: электронный // kad.arbitr.ru : [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb (дата обращения: 14.12.2025).
7. Витко В.С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта //Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2019. – №. 3. – С. 5-22.
8. Казанцев Д. А. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты //Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1. – №. 4. – С. 909-931.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21651

LEGAL FRAMEWORKS AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN COMBATING DRUG-RELATED CRIME: A COMPARATIVE ANALYSIS OF VIETNAM AND CHINA

Nguyen Huynh Bao Khanh
PhD,
Ho Chi Minh City University of Law,
Vietnam, Ho Chi Minh
Email: nhbkhanh@hcmulaw.edu.vn

Tran Thanh Thao
PhD,
Ho Chi Minh City University of Law,
Vietnam, Ho Chi Minh

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЬЕТНАМА И КИТАЯ

Нгуен Хюинь Бао Кхань
канд. Юрид. Наук,
Хошиминский юридический университет,
Вьетнам, г. Хошимин

Чан Тхань Тхао
канд. Юрид. Наук,
Хошиминский юридический университет,
Вьетнам, г. Хошимин

ABSTRACT

Drug-related crime constitutes a significant transnational threat to public security and sustainable development. This article provides a comparative legal analysis of Vietnam and China's frameworks and law enforcement practices in combating drug-related offenses. It examines criminal legislation, drug control laws, and operational enforcement mechanisms in both jurisdictions. Findings indicate that while both countries maintain stringent criminal policies, their approaches diverge in the management of drug users, regulation of precursors, and adoption of advanced law enforcement technologies. The study underscores the importance of integrating preventive, rehabilitative, and punitive measures to enhance effectiveness and offers policy-oriented insights for strengthening transnational drug control strategies.

АННОТАЦИЯ

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляют собой серьёзную транснациональную угрозу общественной безопасности и устойчивому развитию. В статье проводится сравнительно-правовой анализ правовых основ и практики правоохранительных органов Вьетнама и Китая в сфере противодействия наркопреступности. Исследуются уголовное законодательство, законы о контроле над наркотиками и механизмы их применения. Результаты показывают, что при общем строгом уголовно-правовом подходе государства различаются в регулировании потребителей наркотиков, контроле за прекурсорами и применении современных технологий правоохранительной деятельности. Исследование подчёркивает важность интеграции профилактических, реабилитационных и карательных мер для повышения эффективности и предоставляет ориентированные на политику рекомендации для укрепления транснациональной борьбы с наркопреступностью.

Keywords: drug-related crime; comparative criminal law; drug control legislation; law enforcement practices; Vietnam; China

Ключевые слова: преступления, связанные с наркотиками; сравнительное уголовное право; законодательство о контроле над наркотиками; правоохранительная практика; Вьетнам; Китай.

Библиографическое описание: Nguyen H.B., Tran T.T. LEGAL FRAMEWORKS AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN COMBATING DRUG-RELATED CRIME: A COMPARATIVE ANALYSIS OF VIETNAM AND CHINA // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21651*

1. Legal Framework for Drug Crime Control in Vietnam

Vietnam's legal framework for drug crime control is primarily anchored in the Penal Code 2015, as amended in 2025, and the Law on Drug Prevention and Control 2021. Together, these instruments establish a comprehensive approach combining strict criminal repression with preventive, regulatory, and rehabilitative measures.

Criminal Law Provisions on Drug-Related Offenses

Vietnamese criminal policy adopts a stringent stance toward drug-related crime, treating it as a particularly serious threat to public security and social order. The Penal Code devotes a separate chapter to drug-related offenses, criminalizing a wide spectrum of conduct, including the illegal possession, transportation, trading, and manufacture of narcotic substances, as well as the organization of illegal drug use and related acts (Chapter 20) [1].

The statutory penalty framework reflects the legislature's assessment of the exceptional gravity of drug-related offenses. Penalties escalate in accordance with the quantity of narcotics involved and aggravating circumstances such as organized criminal activity. For offenses involving particularly large quantities of narcotic substances, the Penal Code authorizes extremely severe sanctions, including long-term imprisonment, life imprisonment, and, in the most serious cases, the death penalty (Article 251) [1]. Through this structure, Vietnamese criminal law conveys a clear deterrent message that large-scale drug trafficking and production constitute among the most serious criminal offenses under national law.

The Law on Drug Prevention and Control 2021

Beyond criminal sanctions, Vietnam has progressively developed a preventive and regulatory framework through the Law on Drug Prevention and Control 2021, which entered into force on 1 January 2022. This statute represents a significant evolution in drug control policy by expanding the legal focus from repression alone to a more balanced approach encompassing prevention, management, treatment, rehabilitation, and international cooperation.

The 2021 Law refines and clarifies key legal concepts, including "illegal drug user," "drug addict," and "drug rehabilitation," thereby distinguishing criminal conduct from drug-related social problems (Article 2) [2]. Notably, the Law defines drug-related social evils as acts such as illegal drug use and addiction that do not meet the threshold for criminal liability. This conceptual differentiation enables criminal justice authorities to concentrate punitive measures on serious offenders, while applying appropriate preventive and rehabilitative responses to drug users and addicts. As a result, the legal framework seeks to enhance both effectiveness and fairness in drug control.

A major innovation of the 2021 Law is the establishment of a distinct legal regime for the management of illegal drug users. Individuals identified as illegal drug users may be subject to a period of community-based management aimed at counseling, education, and early intervention (Chapter 4) [2]. These measures are preventive rather than punitive in nature and are designed to reduce the risk of progression from drug use to addiction and drug-related crime. This approach reflects a more humane orientation, treating drug users primarily as subjects requiring social support rather than as offenders.

Drug Rehabilitation and Post-Rehabilitation Management

The Law on Drug Prevention and Control 2021 maintains a dual system of voluntary and compulsory rehabilitation while revising the conditions and procedures for compulsory measures (Chapter 5) [2]. A notable reform is the judicialization of compulsory rehabilitation decisions for minors, with district-level People's Courts vested with decision-making authority. This reform strengthens procedural safeguards, enhances judicial oversight, and reflects increased attention to the protection of children's rights. The revised framework demonstrates a more cautious and rights-sensitive approach to the application of coercive measures, particularly in cases involving juveniles.

Control of Precursors and Drug-Related Substances

In response to the growing challenge posed by synthetic drugs, the 2021 Law significantly strengthens the regulation of precursors, narcotic drugs, and psychotropic substances. It expands the range of prohibited acts to include illegal research, testing, instruction, and promotion related to narcotic substances. Regulatory control is also extended to veterinary drugs and other precursor-containing products that may be exploited for illicit drug manufacture (Article 5) [2]. Activities involving the import, export, circulation, and temporary import for re-export of precursors are placed under strict state supervision, aiming to close legal loopholes and prevent the misuse of legitimate supply chains by criminal organizations.

Overall Assessment

Overall, Vietnam's legal framework for drug prevention and control can be regarded as relatively comprehensive and increasingly coherent. The combination of severe criminal sanctions under the Penal Code and preventive, regulatory, and rehabilitative measures under the Law on Drug Prevention and Control 2021 reflects a dual strategy of deterrence and social management. Supplementary regulations and inter-agency guidelines further support the effective implementation of statutory provisions.

Moreover, Vietnam is a party to all three United Nations drug control conventions and has incorporated most international obligations into its domestic legal system. This alignment with international standards enhances the legitimacy of Vietnam's drug control regime and provides a solid legal basis for international cooperation in combating transnational drug-related crime.

2. Practical Enforcement in Combating Drug-Related Crime in Vietnam

In recent years, drug-related crime in Viet Nam has become increasingly complex. Law enforcement authorities detect over 20,000 cases annually, apprehending more than 31,000 offenders, with drug seizures totaling

several tons [10]. Synthetic drugs—particularly methamphetamine, ecstasy, and ketamine—now constitute the dominant category, with annual seizures exceeding five tons, compared to approximately one ton of heroin. In the first nine months of 2025, seized synthetic drugs reached 3.4 tons, surpassing the annual average and indicating a sharp upward trend [8].

Transnational organized crime groups increasingly exploit Viet Nam as both a transit hub and a destination market. Illicit drugs primarily enter Viet Nam from the Golden Triangle via Laos and Cambodia, while heroin is further trafficked onward to China. Viet Nam has also emerged as a transit point for cannabis from Thailand and synthetic drugs from Europe and the Americas, transported through air cargo and international postal services. These developments underscore the growing globalization of illicit drug supply chains and the urgent need to strengthen international cooperation and border control.

Domestically, drug-related crime in Viet Nam has become increasingly violent and sophisticated. Offenders are often armed and prepared to use lethal force against law enforcement officers, while concealment and transportation methods constantly evolve—from embedding drugs in food products and export goods to exploiting express delivery and logistics services [8]. During the COVID-19 pandemic, traffickers further abused interprovincial delivery services amid mobility restrictions [5]. Notably, illicit drug manufacturing has re-emerged within the country after a period of decline. A landmark case in March 2025 involved the dismantling of the largest synthetic drug laboratory ever discovered in Viet Nam, resulting in the seizure of 1.4 tons of ketamine and large quantities of precursor chemicals and equipment [8]. The operation was facilitated by early intelligence sharing from Chinese law enforcement authorities, underscoring the decisive role of international cooperation in combating transnational drug crime.

Alongside repression, Viet Nam emphasizes prevention and rehabilitation through compulsory treatment centers, court-mandated measures, and community-based voluntary rehabilitation programs. Recent policy reforms adopt a more humane approach, prioritizing psychological counseling, vocational training, and social reintegration, complemented by sustained public awareness campaigns aimed at reducing supply, demand, and harm.

Despite significant achievements, Viet Nam's efforts to combat drug-related crime continue to face substantial challenges. The large volume of illicit drugs trafficked across national borders, combined with complex border terrain—particularly along the Viet Nam–Laos corridor—poses persistent difficulties for effective control. Socioeconomic vulnerabilities among ethnic minority communities in border areas remain a critical risk factor, as limited livelihood opportunities expose residents to exploitation by trafficking networks. Moreover, the rapid emergence of new psychoactive substances requires continuous updates to criminal legislation and forensic identification capacity. Although investigative and surveillance technologies have been enhanced, they remain inadequate in light of increasingly sophisticated methods, including online transactions via social media platforms and the use of cryptocurrencies.

3. Legal Framework and Drug Control Policies in China

China has established one of the most comprehensive and stringent legal frameworks for combating drug-related crime worldwide. The cornerstone of this framework is the Anti-Drug Law of the People's Republic of China, which entered into force in 2008 and provides an overarching legal basis for drug prevention, control, treatment, precursor management, and international cooperation. This statute reflects a holistic approach to drug governance, integrating criminal repression with administrative regulation and preventive measures [4].

China's drug control regime is further reinforced by a network of interrelated legal instruments, including the Criminal Law, the Criminal Procedure Law, the Public Security Administration Punishments Law, and sector-specific legislation such as the Drug Administration Law. Together, these statutes form an integrated legal system that enables both criminal prosecution and administrative intervention. Within the Criminal Law, more than a dozen offenses directly address drug-related conduct, encompassing smuggling, trafficking, transportation, manufacture, cultivation of drug-producing plants, and illegal possession of narcotic substances [3]. This dense normative framework underscores the centrality of drug control within China's criminal justice system.

China's criminal policy toward drug-related crime is characterized by exceptional severity and a declared zero-tolerance stance. Criminal liability may arise regardless of the quantity of drugs involved, and penalties imposed by courts are frequently extremely harsh. Sanctions range from long-term imprisonment to life imprisonment and, in particularly serious cases, the death penalty. Death penalty remains a legally sanctioned and actively applied penalty for major drug trafficking and manufacturing offenses, including cases involving foreigners [9]. Judicial practice demonstrates that Chinese courts continue to impose the death penalty on high-level traffickers whose conduct is assessed as posing an especially grave threat to society [6].

From a policy perspective, the continued application of capital punishment reflects China's prioritization of collective social security, public order, and national stability over individual penal leniency in the context of drug control. Drug-related crime is officially framed as a serious social hazard capable of undermining public health, social stability, and national security. This framing provides the normative justification for the retention of the most severe criminal sanctions, notwithstanding persistent international criticism concerning proportionality and human rights standards.

Beyond punitive criminal law, China has developed an advanced regulatory regime governing precursors, psychotropic substances, and emerging drugs. Administrative regulations, such as those on the control of narcotic drugs, psychotropic substances, and drug precursors, impose strict supervision over the production, circulation, import, export, and use of substances that may be exploited for illicit drug manufacture. Regulatory control is extended across the entire supply

chain, significantly limiting opportunities for criminal organizations to divert legitimate chemical and pharmaceutical products into illegal drug production.

A particularly distinctive feature of China's approach is its responsiveness to new psychoactive substances. Since 2015, Chinese authorities have implemented emergency control mechanisms allowing newly identified substances to be rapidly placed under regulation. Notably, China has adopted a class-based control strategy, whereby entire categories of substances—such as fentanyl analogues and synthetic cannabinoids—are brought under legal control rather than listing individual compounds sequentially [6]. This flexible regulatory technique substantially reduces legal lag and has positioned China as one of the most proactive jurisdictions globally in addressing rapidly evolving drug technologies.

At the policy level, drug control is embedded within China's broader strategies for social governance, economic development, and national security. Senior political leadership has consistently emphasized that drug-related crime constitutes a fundamental threat to the nation and requires coordinated action by the entire political system. The guiding principle is one of comprehensive governance, combining prevention, strict control, prohibition of cultivation, production, trafficking, and use, and the mobilization of multiple state and social actors [6].

Institutionally, China has established a highly centralized and coordinated drug control architecture. The National Narcotics Control Commission (NNCC), operating under the State Council, serves as the principal interagency coordination body and includes representatives from more than forty central government agencies. Chaired by the Minister of Public Security, the NNCC is responsible for formulating national strategies, coordinating enforcement efforts, and supervising implementation nationwide. Parallel narcotics control commissions at provincial, municipal, and local levels ensure vertical integration and policy consistency throughout the administrative hierarchy [12].

China also places strong emphasis on science, technology, and preventive governance. Specialized laboratories and research institutions support law enforcement through forensic identification, chemical tracing, and early detection of emerging drug trends. Preventive strategies include nationwide public education campaigns, school-based programs, and digital outreach targeting youth, reflecting an effort to reduce demand alongside strict supply-side control [12].

Overall, through the combination of severe criminal sanctions, expansive regulatory control, centralized institutional coordination, and technological innovation, China has constructed a drug control regime characterized by both severity and comprehensiveness. This framework reflects the state's conviction that only a resolute, multi-layered, and centrally coordinated approach can effectively address the scale and complexity of contemporary drug-related crime.

4. Law Enforcement Practices and Drug Control in China

China's enforcement practice in combating drug-related crime is characterized by scale, continuity, and a high degree of institutional coordination. Drug control is framed as a long-term national security task rather than a periodic campaign. Public security authorities at all administrative levels conduct sustained operations targeting major trafficking networks, cross-border smuggling routes, and organized criminal groups involved in drug production and distribution.

Enforcement efforts are marked by a strong focus on organized and transnational crime [12]. Large-scale operations regularly dismantle trafficking rings operating across provincial and international borders, particularly those connected to major drug-producing regions in Southeast Asia. Unlike approaches that concentrate primarily on retail-level offenses, Chinese enforcement prioritizes upstream stages of the drug economy, including production sites, transportation corridors, and financial flows linked to drug-related crime.

A defining feature of China's enforcement model is the principle of "full-chain suppression" [6]. Investigations are designed to identify and neutralize all links in the drug trafficking chain, including organizers, financiers, manufacturers, transporters, distributors, and facilitators. This strategy results in a high proportion of cases involving organized crime and contributes to the imposition of particularly severe penalties on individuals occupying key positions within criminal networks [6].

Arrest, prosecution, and conviction rates in drug-related cases remain consistently high [12]. Judicial practice demonstrates a strong alignment between legislative intent and sentencing outcomes. Penalties imposed by courts range from long-term imprisonment to life imprisonment, while the death penalty continues to be applied in cases involving exceptionally large quantities of narcotics or especially serious social consequences. Sentencing is largely quantity-driven, with statutory thresholds serving as decisive benchmarks. Once these thresholds are exceeded, courts tend to impose sanctions near the upper limits prescribed by law, particularly in cases involving recidivism, organized crime, or cross-border trafficking.

This consistency between law enforcement practice and judicial adjudication reinforces the deterrent function of criminal law and conveys a clear message regarding the state's zero-tolerance stance toward drug-related crime. The predictability of sentencing outcomes also contributes to the overall coherence of China's drug control regime.

China reports the seizure of substantial quantities of narcotic drugs each year, including heroin, methamphetamine, ketamine, cannabis, and various synthetic substances, as well as large volumes of precursor chemicals. Enforcement agencies place particular emphasis on suppressing the illegal manufacture of synthetic drugs and preventing the diversion of chemical precursors. Regular inspections are conducted at chemical enterprises, pharmaceutical manufacturers, logistics companies, and e-commerce platforms. Violations of precursor control regulations result in severe administrative penalties and, where criminal elements are present, criminal prosecution. This supply-side enforcement strategy

reflects the policy view that disrupting production capacity and material inputs is more effective than focusing exclusively on end users.

Border control constitutes another core pillar of enforcement. Given China's long land borders and extensive coastline, customs, border police, and maritime law enforcement agencies conduct coordinated inspections focusing on high-risk routes and shipments. Particular attention is devoted to border regions adjacent to major drug-producing areas. China also actively engages in joint patrols, intelligence sharing, and coordinated operations with neighboring countries through regional mechanisms, contributing to the interception of large consignments of narcotics before they reach domestic markets or are transshipped to third countries.

Although criminal suppression occupies a dominant position, China's enforcement practice also incorporates elements of preventive governance and social management. Drug users are subject to registration and monitoring systems, and individuals identified as drug addicts may be placed under compulsory detoxification or community-based rehabilitation measures [4]. Public security organs cooperate with community organizations, employers, and families to monitor compliance and prevent relapse. While these measures have attracted criticism for their intrusive nature, Chinese authorities justify them as necessary to maintain public order and reduce recidivism.

Overall, China's law enforcement practice in drug control is defined by severity, scale, and centralized coordination. The integration of harsh criminal sanctions, extensive regulatory oversight, advanced technological tools, and strong border control has proven effective in disrupting large-scale trafficking networks and deterring high-level offenders. At the same time, the heavy reliance on punitive and surveillance-based measures reflects a governance model that prioritizes collective security and social stability, raising ongoing debates concerning proportionality, due process, and individual rights. These characteristics provide a critical reference point for comparative analysis with Vietnam's drug control enforcement model.

5. Comparative Perspectives on Drug Control in Vietnam and China

Comparative Legislative Structure

Both Vietnam and China have established comprehensive legal frameworks to address drug-related crime, combining criminal law, administrative regulation, and preventive measures. In both systems, drug offenses are classified as particularly serious crimes, and criminal law occupies a central role in the overall drug control regime. Separate chapters in the respective criminal codes are devoted to drug-related offenses, reflecting a shared legislative intent to prioritize the suppression of drug trafficking, manufacturing, and organized criminal activity.

Despite this structural similarity, the internal organization of the two legal frameworks differs significantly. Vietnam's model reflects a clearer normative distinction between criminal conduct and non-criminal drug-related behavior. This distinction is institutionalized in the Law on Drug Prevention and Control 2021, which differentiates drug-related crimes from drug-related social problems and prescribes distinct legal responses for each. Criminal sanctions are primarily reserved for traffickers and organizers, while non-criminal measures address drug use and addiction.

China's framework, by contrast, adopts a more unified and enforcement-oriented structure. Criminal sanctions and administrative measures are closely intertwined, and the boundary between punitive intervention and preventive control is less sharply defined. This integration reflects a legal design that emphasizes comprehensive state intervention across the entire spectrum of drug-related conduct.

Criminal Policy Orientation and Severity of Sanctions

Both countries pursue strict criminal policies, yet they differ markedly in the degree and expression of penal severity. Vietnam retains the death penalty for certain exceptionally serious drug offenses, but recent legal developments indicate a growing emphasis on differentiation and proportionality [7]. Vietnamese criminal policy increasingly seeks to distinguish between high-level traffickers and drug users, directing the latter toward management, education, and rehabilitation rather than punitive punishment.

China maintains a consistently high level of penal severity throughout its drug control regime. The death penalty remains an integral component of criminal policy and is justified primarily by deterrence and the protection of social stability. Criminal liability may arise regardless of drug quantity, and sentencing practices demonstrate a strong tendency toward severe sanctions once statutory thresholds are exceeded. This approach reflects a criminal policy that prioritizes absolute deterrence over individualized penal moderation.

Regulation of Drug Users and Rehabilitation Models

The treatment of drug users constitutes one of the most pronounced points of divergence between the two systems. Vietnam has gradually adopted a more public health–oriented perspective, particularly following the enactment of the 2021 Law. Community-based management of drug users has been expanded, and procedural safeguards for compulsory rehabilitation—especially for minors—have been strengthened [11]. The involvement of judicial authorities in decisions on compulsory rehabilitation reflects an effort to enhance legal accountability and protect individual rights.

China's approach, while incorporating rehabilitation and treatment, remains largely grounded in administrative control and social management. Compulsory detoxification and community-based rehabilitation are implemented primarily through administrative mechanisms, with limited judicial oversight. This model reflects a governance philosophy that treats drug addiction as both a medical issue and a public order concern requiring close state supervision.

Vietnam has also strengthened its legal framework in this area, particularly under the 2021 Law, but its regulatory system remains more reactive. Limited technical capacity, institutional resources, and data integration

constrain the effectiveness of precursor control. This divergence reflects broader differences in state capacity and regulatory infrastructure. China's centralized governance model facilitates uniform enforcement, whereas Vietnam's more decentralized administrative structure requires enhanced inter-agency coordination to achieve comparable outcomes.

Law Enforcement Capacity and Institutional Design

Institutional design further differentiates the two systems. China operates a highly centralized and vertically integrated drug control apparatus, with specialized narcotics control bodies at all administrative levels operating under unified command. This structure enables rapid resource mobilization, consistent enforcement standards, and large-scale technology-driven operations.

Vietnam's enforcement system, although increasingly specialized, is more fragmented. Multiple agencies share overlapping responsibilities, and disparities in resources and capacity across localities affect enforcement uniformity. While coordination mechanisms exist, structural fragmentation poses challenges to implementing highly centralized or technology-intensive enforcement strategies.

Underlying Governance Rationales

At a deeper level, the differences between Vietnam and China reflect contrasting governance rationales. Vietnam's drug control regime shows a gradual shift toward balancing criminal repression with social prevention and human-centered intervention, influenced by international legal norms and public health perspectives. China's regime embodies a security-oriented governance model that prioritizes social stability, centralized control, and deterrence through severe punishment.

Although both states share the objective of suppressing drug-related crime and protecting society, their differing governance philosophies shape legislative design, enforcement priorities, and institutional arrangements. These systemic differences provide a critical foundation for evaluating the strengths and limitations of each model and for situating Vietnam–China comparison within broader comparative criminal law scholarship.

6. Policy Implications and Recommendations

Refining the Balance Between Repression and Prevention

The comparative analysis of Vietnam and China demonstrates that strict criminal sanctions remain a central component of effective drug control, particularly in addressing large-scale trafficking and organized crime. However, the findings also suggest that excessive reliance on punitive measures alone may not be sufficient to address the full spectrum of drug-related problems. For Vietnam, the current legal framework already reflects an effort to balance repression with prevention and rehabilitation, particularly through community-based management of drug users and judicial oversight of compulsory rehabilitation. Further refinement of this balance could enhance the long-term effectiveness of drug control by reducing recidivism and alleviating the burden on the criminal justice system.

China's experience underscores the deterrent value of severe punishment and centralized enforcement, especially in disrupting major trafficking networks. Nevertheless, the Chinese model also illustrates the risks associated with a predominantly security-oriented approach, including concerns related to proportionality and individual rights. Comparative insights suggest that integrating more transparent procedural safeguards and expanding the role of voluntary treatment could contribute to greater legal legitimacy without undermining enforcement effectiveness.

Enhancing Regulatory Control of Precursors and Synthetic Drugs

One of the most salient lessons emerging from the comparison concerns the regulation of precursors and emerging synthetic substances. China's class-based control mechanisms and real-time monitoring of chemical supply chains offer a highly effective response to the rapid evolution of drug technologies. Vietnam's recent legislative reforms represent an important step forward, yet the comparative analysis indicates a need for further legal and technical development in this area.

Policy refinement should focus on expanding the scope of precursor control, strengthening inter-agency data sharing, and investing in technological infrastructure capable of early detection of diversion risks. Such measures are particularly important in the context of transnational synthetic drug production, where legal loopholes and regulatory delays can be rapidly exploited by criminal organizations.

Strengthening Institutional Capacity and Professionalization

Differences in enforcement outcomes between Vietnam and China highlight the critical role of institutional capacity. China's centralized and specialized drug control apparatus enables rapid mobilization and consistent enforcement, whereas Vietnam's more decentralized system faces challenges related to uneven resources and coordination. Comparative analysis suggests that enhancing professional specialization, improving training for narcotics officers, and clarifying inter-agency responsibilities could significantly improve enforcement efficiency in Vietnam.

At the same time, the Chinese experience demonstrates the importance of sustained investment in human resources, forensic capacity, and technical equipment. Institutional strengthening should therefore be understood as a long-term policy commitment rather than a short-term reform measure.

Integrating Technology While Safeguarding Legal Principles

The extensive use of advanced technologies in China's drug control practice illustrates the potential of data-driven enforcement to enhance detection, investigation, and prevention. For Vietnam, the gradual integration of big data analytics, chemical monitoring systems, and digital surveillance tools could substantially improve enforcement effectiveness, particularly in border areas and high-risk supply chains.

However, comparative insights also emphasize the need to align technological innovation with fundamental legal principles. Clear legal bases, accountability

mechanisms, and safeguards against abuse are essential to ensure that technological tools enhance, rather than undermine, the rule of law. This consideration is particularly relevant for jurisdictions seeking to expand surveillance-based enforcement within a framework of legal accountability.

Reassessing the Role of the Death Penalty in Drug Control Policy

The retention and application of the death penalty in both Vietnam and China raise complex legal and ethical questions that remain central to international debate. Comparative analysis suggests that while capital punishment may serve a strong deterrent function in the context of large-scale drug trafficking, its effectiveness must be assessed alongside broader policy objectives, including legal consistency, international cooperation, and human rights considerations.

Rather than adopting a uniform normative stance, this study highlights the importance of contextual evaluation. For states that retain the death penalty, ensuring strict statutory thresholds, consistent judicial application, and procedural safeguards is critical to maintaining the credibility and legitimacy of criminal justice systems.

Conclusion

Drug-related crime remains a critical challenge, particularly for states along major trafficking routes. This comparative analysis of Vietnam and China highlights distinct yet effective legal and enforcement strategies shaped by national governance priorities. Both jurisdictions treat drug offenses as exceptionally serious, imposing severe sanctions and maintaining sustained enforcement efforts.

Vietnam's framework increasingly balances criminal repression with prevention, rehabilitation, and judicial oversight, differentiating between traffickers and drug users. China emphasizes centralized control, full-chain suppression, and deterrence through severe penalties, including the death penalty, supported by advanced technology and integrated regulatory oversight.

The comparison underscores that effective drug control requires alignment between legal instruments, institutional capacity, and governance philosophy. Vietnam's experience illustrates the benefits of community-based management and human-centered interventions, while China demonstrates the operational advantages of centralized coordination and technological integration.

Policy implications include the need for Vietnam to enhance technical capacity, inter-agency coordination, and cross-border cooperation, while maintaining proportionality and social support measures. These insights inform the design of context-sensitive drug control policies capable of addressing evolving transnational threats without undermining legal fairness or public trust.

References:

1. The 2015 Penal Code of Vietnam // URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Criminal_Code_of_Vietnam_(English_translation).pdf (accessed on 21.12.2025)
2. The 2021 Law on Drug Prevention and Control of Vietnam // URL: https://english.luatvietnam.vn/law-on-drug-prevention-and-control-no-73-2021-qh14-dated-march-30-2021-of-the-national-assembly-201171-doc1.html (accessed on 21.12.2025)
3. The 1997 Criminal Law of the People's Republic of China // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/english-npc/Law/2007-12/13/content_1384075.htm (accessed on 21.12.2025)
4. The 2007 Anti-Drug Law of the People's Republic of China // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/english-npc/Law/2009-02/20/content_1471610.htm (accessed on 21.12.2025)
5. The Law on Drug Prevention and Control 2021 officially enters into force // URL: https://tiengchuong.chinhphu.vn/luat-phong-chong-ma-tuy-2021-chinh-thuc-co-hieu-luc-11336586.htm (accessed on 21.12.2025)
6. Introduction to China's successful efforts in drug control // URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zggs/202307/t20230706_11108971.htm (accessed on 21.12.2025)
7. Drug Crime in Vietnam: Illegal Possession of Narcotic Substances – Latest Penalties under Vietnamese Criminal Law (2025 Update) // URL: https://anlawvietnam.com/en/drug-crime-vietnamese-criminal-law/?srsltid=AfmBOoob74GeM8ZLb2tmJdm6IEKA51ONMxH0y_E6ZUqayUEPflKFuEJb (accessed on 21.12.2025)
8. Nearly 3.4 tons of narcotics and over two million synthetic drug pills seized in nine months // URL: https://hanoionline.vn/thu-giu-34-tan-va-hon-2-trieu-vien-ma-tuy-tong-hop-371600.htm (accessed on 21.12.2025)
9. Korean national executed in China for drug trafficking // URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20230804/korean-national-executed-in-china-for-drug-trafficking (accessed on 21.12.2025)
10. Nearly 30,000 drug-related criminal cases dismantled in 2024 // URL: https://www.qdnd.vn/phap-luat/tin-tuc/pha-gan-30-000-vu-an-ve-ma-tuy-trong-nam-2024-810339(accessed on 21.12.2025)
11. 60% of first-time drug users are aged between 15 and 25// URL: https://dantri.com.vn/phap-luat/cuc-truong-c04-60-nguoi-su-dung-ma-tuy-lan-dau-trong-do-tuoi-15-25-20241015231100678.htm(accessed on 21.12.2025)
12. Narcotics Control in China // URL: https://lt.china-office.gov.cn/eng/zt/zfbps/200405/t20040530_2910844.htm (accessed on 21.12.2025)

CRIMINAL PROCEEDINGS

IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK AND MECHANISMS FOR ENSURING VICTIMS' HUMAN RIGHTS AT THE INVESTIGATION STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN VIETNAM

Nguyen Duc Son
Lecturer, Faculty of Law,
People's Police Academy,
Vietnam, Hanoi
Email: sonnguyent32@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПОТЕРПЕВШЕГО НА СТАДИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ВО ВЬЕТНАМЕ

Нгуен Дык Шон
преподаватель
Юридического Факультета,
Народной Полицейской Академии,
Вьетнам, г. Ханой

ABSTRACT

This article analyzes the theoretical and legal foundations of victims' human rights at the investigation stage of criminal proceedings in Vietnam. Based on an assessment of the provisions of the 2015 Criminal Procedure Code and law enforcement practice, the article identifies both achievements and existing limitations in ensuring victims' rights.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются теоретические и правовые основы обеспечения прав человека потерпевшего на стадии расследования уголовного судопроизводства во Вьетнаме. На основе оценки положений Уголовно-процессуального кодекса 2015 года и правоприменительной практики выявляются достигнутые результаты и существующие ограничения в обеспечении прав потерпевших.

Keywords: victim; human rights; investigation stage; criminal proceedings; protection of human rights.

Ключевые слова: потерпевший; права человека; стадия расследования; уголовное судопроизводство; защита прав человека.

Victims' human rights in criminal proceedings should first be understood from the general theoretical perspective of human rights and the legal status of victims. Human rights are inherent and inalienable rights of individuals, recognized, respected, protected, and guaranteed by the State. In criminal proceedings, when an individual becomes a victim, he or she is a subject whose human rights have been directly violated by a criminal act, while simultaneously participating in the proceedings in order to protect his or her lawful rights and interests. Therefore, ensuring victims' human rights not only serves to protect specific individuals but also reflects the humanitarian and progressive nature of the criminal justice system.

From a theoretical standpoint, victims' human rights at the investigation stage may be understood as the totality of fundamental rights and legitimate interests of victims that are recognized and guaranteed by criminal procedural law during the investigation of a criminal case. These rights possess both the universal characteristics of human rights and the specific features arising from the victim's procedural status. Unlike accused persons, the human rights of victims are not limited to protection against unlawful interference by state power, but also entail positive obligations of the State to restore, protect, and compensate for the rights that have been infringed by criminal conduct.

From a structural perspective, victims' human rights at the investigation stage may be classified into several basic groups. The first group comprises the rights to protection of life, health, honor, dignity, and property. These are fundamental rights, as in many cases

Библиографическое описание: Nguyen D.S. IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK AND MECHANISMS FOR ENSURING VICTIMS' HUMAN RIGHTS AT THE INVESTIGATION STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN VIETNAM // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21667*

victims may continue to face threats, retaliation, or intimidation during the investigation process. Ensuring the safety of victims is not only a humanitarian requirement but also a necessary condition for the effective exercise of other procedural rights.

The second group consists of the rights to information and participation in criminal proceedings. Victims are entitled to be informed of, and fully informed about, their rights and obligations; to present opinions; to submit evidence; and to request investigative authorities to carry out necessary investigative measures. At the investigation stage, guaranteeing the right to information is of particular importance, as it enables victims to clearly understand their legal status and prevents their participation from becoming merely formalistic or passive.

The third group includes the rights to seek protection and restoration of infringed interests, such as the right to claim compensation for damage, the right to be assisted by a lawful representative or legal counsel, and the right to lodge complaints against procedural decisions or actions taken by competent authorities and procedural officials. This group of rights clearly reflects the human rights–protective function of criminal procedure, ensuring that victims are not merely "heard" but are also able to exert a certain degree of influence over the proceedings in order to safeguard their legitimate interests.

With regard to the legal framework, the 2013 Constitution provides the constitutional foundation for the protection of victims' human rights by affirming the State's responsibility to respect, protect, and guarantee human rights and citizens' rights. On this basis, the 2015 Criminal Procedure Code represents a significant advancement by expanding and specifying victims' rights compared to earlier regulations. A number of new rights of victims have been recognized, reflecting a human-centered approach to criminal procedure that not only emphasizes the protection of the rights of the accused but also affords greater attention to the lawful rights and interests of victims.

2. In recent years, Vietnam's criminal procedural law has made significant progress in recognizing and safeguarding the human rights of victims, particularly since the entry into force of the 2015 Criminal Procedure Code. Compared with the 2003 Criminal Procedure Code, the provisions on victims' rights have been expanded in both substance and form, reflecting more clearly a human-centered approach to criminal proceedings. Nevertheless, law enforcement practice indicates that a considerable gap still exists between statutory provisions and the actual protection of victims' human rights at the investigation stage.

With regard to achievements, it may first be noted that the current criminal procedural law has established a relatively comprehensive legal status for victims during the investigation stage. Victims are recognized as independent procedural participants and are entitled to be informed of and have explained to them their rights and obligations; to give statements; to submit evidence and documents; to request investigative authorities to conduct investigative measures; to claim compensation for damage; and to lodge complaints against procedural decisions or acts. The recognition of these rights provides an important legal basis for victims to actively participate in the investigation process in order to protect their lawful rights and interests.

Moreover, in investigative practice, in many cases investigative authorities have paid greater attention to receiving and considering victims' opinions and ensuring their participation in proceedings in accordance with statutory procedures. Awareness of the role of victims in criminal proceedings has gradually improved, particularly in cases involving infringements of life, health, honor, dignity, or in serious and complex criminal cases. However, notwithstanding these achievements, the protection of victims' human rights at the investigation stage continues to reveal a number of shortcomings.

First, several victims' rights, although formally recognized by law, remain largely principle-based and lack specific mechanisms for effective implementation. For instance, the right to be informed of and to have one's rights and obligations explained is not always fully or timely realized in practice; in many cases, victims still participate in proceedings in a passive manner, without a clear understanding of their rights that would enable them to exercise those rights effectively.

Second, victims' participatory rights during the investigation stage are constrained by traditional procedural thinking that regards investigation as an activity falling largely within the "exclusive domain" of procedural authorities. In practice, victims' requests for certain investigative measures or evidence-gathering activities are not always adequately considered, or are rejected without sufficient explanation. This situation substantially limits victims' ability to effectively protect their lawful rights and interests.

Third, mechanisms for protecting victims against threats, intimidation, or retaliation during the investigation stage remain ineffective. Although the law provides for measures to protect procedural participants, the application of such measures in practice is still limited, mainly due to insufficient resources, a lack of detailed guidance, and a cautious or reluctant attitude toward their implementation. This directly affects victims' rights to personal safety, physical integrity, and psychological well-being.

Fourth, ensuring victims' rights to claim compensation for damage at the investigation stage continues to face significant difficulties. Coordination mechanisms between criminal proceedings and civil compensation remain inadequate, resulting in insufficient attention to victims' interests from the investigation stage onward, despite the crucial importance of this stage for determining damage and civil liability.

3. In light of the existing limitations in practice regarding the protection of victims' human rights at the investigation stage, the continued improvement of criminal procedural law constitutes an objective necessity in order to meet the goals of judicial reform and the construction of a rule-of-law state in Vietnam. Such improvements should be oriented toward further specifying victims' rights while simultaneously establishing effective mechanisms for their implementation, thereby

avoiding situations in which rights are formally recognized but difficult to realize in practice.

- it is necessary to further refine legal provisions concerning victims' rights at the investigation stage in a more specific, clear, and practicable manner. Although the 2015 Criminal Procedure Code has recognized a relatively comprehensive range of victims' rights, many provisions remain principle-based in nature. Accordingly, more detailed regulations should be introduced to clarify the content, scope, and modalities for the exercise of each right, particularly the right to be informed, the right to participate in investigative activities, and the right to request the conduct of procedural measures. Clearly defining the responsibility of investigative authorities to notify and explain victims' rights and obligations from the moment a criminal case is instituted would contribute significantly to enhancing the substantive realization of these rights.
- legal provisions concerning victims' rights to participate in criminal proceedings at the investigation stage should be further refined. The law should more clearly define the obligations of investigative authorities to consider and respond to victims' lawful requests and petitions relating to investigative activities, while at the same time establishing mechanisms that allow victims to exercise a certain degree of oversight over the handling of such requests. This approach would not undermine the necessary independence and confidentiality of investigative activities, but would contribute to greater transparency and respect for victims' human rights.
- the legal framework governing mechanisms for the protection of victims at the investigation stage should be further improved. Provisions on measures for protecting procedural participants need to be specified in greater detail, particularly in cases of a serious or complex nature or where there is a risk of threats or retaliation. The law should clearly regulate the conditions for application, procedures, and responsibilities of competent authorities in implementing protective measures, ensuring their timeliness and effectiveness. At the same time, the scope of protection should be extended, where necessary, not only to victims themselves but also to their close relatives.
- provisions ensuring victims' rights to claim compensation for damage at the investigation stage should be further developed. Criminal procedural law should strengthen its linkage with civil law in determining damage and civil liability, treating this issue as an important matter that requires attention from the very beginning of the investigation stage. The collection of evidence relating to damage and compensation obligations serves not only the resolution of the criminal case but also more effectively safeguards victims' lawful rights and interests.
- in the process of improving legislation, due attention should be paid to selectively incorporating international standards on the protection of victims' rights in criminal proceedings. International instruments consistently emphasize the State's positive obligations to protect victims of crime, ensure their access to justice, guarantee fair treatment, and provide adequate compensation. The incorporation of these standards into domestic law would not only enhance the quality of Vietnam's criminal procedural legislation but also demonstrate Vietnam's commitment to respecting and protecting human rights.

4. In light of the limitations observed in practice with regard to the protection of victims' human rights at the investigation stage, the continued improvement of criminal procedural legislation constitutes an objective requirement to meet the goals of judicial reform and the construction of a rule-of-law state in Vietnam. Legislative reform should be oriented toward further specifying victims' rights while simultaneously establishing effective mechanisms for their implementation, thereby avoiding situations in which rights are formally recognized but difficult to exercise in practice.

First, it is necessary to further refine legal provisions concerning victims' rights at the investigation stage in a more specific, clear, and practicable manner. Although the 2015 Criminal Procedure Code recognizes a relatively comprehensive range of victims' rights, many provisions remain principle-based. Accordingly, more detailed regulations should be adopted to clarify the content, scope, and modalities for the exercise of each right, particularly the right to be informed, the right to participate in investigative activities, and the right to request the conduct of procedural measures.

Second, provisions governing victims' participatory rights during the investigation stage should be further improved. The law should more clearly stipulate the obligations of investigative authorities to consider and respond to victims' lawful requests and petitions related to investigative activities, while at the same time establishing mechanisms that allow victims to exercise a certain degree of oversight over the handling of such requests.

Third, the legal framework governing mechanisms for the protection of victims at the investigation stage should be further developed. Provisions on measures for protecting procedural participants need to be specified in greater detail, particularly in serious or complex cases or where there is a risk of threats or retaliation. The law should clearly regulate the conditions for application, procedures, and responsibilities of competent authorities in implementing protective measures, ensuring their timeliness and effectiveness. At the same time, the scope of protection should be extended, where necessary, not only to victims themselves but also to their close relatives.

Fourth, provisions ensuring victims' rights to claim compensation for damage at the investigation stage should be strengthened. Criminal procedural law should enhance its linkage with civil law in determining damage and civil liability, treating this issue as an important matter that requires attention from the outset of the investigation stage. The collection of evidence relating to damage and compensation obligations serves not only the resolution of the criminal case but also more effectively safeguards victims' lawful rights and interests.

In sum, improving the legal framework for ensuring victims' human rights at the investigation stage requires a coordinated and comprehensive approach, closely aligned with the requirements of judicial reform and practical implementation. This constitutes an important

prerequisite for enhancing the effectiveness of human rights protection in criminal proceedings and for building a fair, humane, and modern system of criminal justice.

References:

1. National Assembly (2013), The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam, National Political Publishing House – Truth, Hanoi.
2. National Assembly (2015), The Criminal Procedure Code, National Political Publishing House – Truth, Hanoi.
3. National Assembly (2017), Law on Amendments and Supplements to a Number of Articles of the Criminal Procedure Code, Hanoi.

Научный журнал

UNIVERSUM:
ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

№ 1(135)
Январь 2026

Часть 2

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54432 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+